

П Р А Ж С К И Й П А Р Н А С

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№44
ИЮНЬ 2016

*"Парнас не монастырь
и не гарем печальный..."*

А.С. Пушкин, Послание цензору

Содержание:

Гамбринус	2
Поторак Леонид	11
Свирская Людмила.....	16
Волкова Наталья.....	22
Бегим Лейла	25
Белова-Далина Ольга	30
Чёртова дюжина.....	39
Иванов-Таганский Валерий.....	49
Кураш Владислав	56
Левицка Натэлла	66
Левицкий Сергей.....	74
Темис Роман.....	77
Тер-Абрамянц Амаяк.....	81
Интервью.....	84

Издатель:

Союз русскоязычных писателей
в Чешской Республике
www.literator.cz

Редакционный совет альманаха:

Сергей Левицкий – президент Союза русскоязычных писателей в Чешской Республике

Ольга Белова – главный редактор, член СРП в ЧР, Союза литераторов (МОЛ СЛ РФ)

Екатерина Ивлева – редактор, член СП России, Союза литераторов (МОЛ СЛ РФ)

Милан Дежинский – редактор, чешский поэт, переводчик

Олег Крылов – графический дизайнер
Светлана Голибювская – корректор

(русский язык)
Катержина Крупкова – корректор (чешский язык)

Вацлава Жалудова – художник

Линн Зеленка – художник, корректор (английский язык)

Елизавета Белова – юридическая поддержка

ISBN 978-80-87698-16-5

Слово «гамбринус» давно вошло в сознание людей (пьющих, мало пьющих и не пьющих совсем), как название популярного бренда чешского пива. Мало, кто помнит, что Гамбринус ещё и имя легендарного короля, которого считают изобретателем пивоварения. А вспомнили мы и о чешском пиве, и о короле-пивоваре вот почему: в гостях у «Пражского Парнаса» литературное объединение «Гамбринус» из подмосковной Электростали.

«Гамбринус»

(Россия)

Творческое объединение «Гамбринус»: – одно из популярных в Подмоскowie. Родилось оно в начале века с выходом поэтического сборника под трогательным названием «Робкое объяснение в любви», и это при том, что составляют организацию люди, далеко не новички в творчестве (каждый имеет «сольную» книгу). Большинство – поэты, в своё время отпочковавшиеся от старейшего в городе литобъединения «Электростальские огни». Позже в организацию вошли три профессиональных музыканта – Елена Варварина, Наталья и Екатерина Шлеенковы и два художника – Михаил Сотников и Оксана Козлова (Никифорова).

Большинство поэтов и прозаиков объединения – члены Союза литераторов России, духовного преемника Петроградского Союза поэтов (1920-21 гг.), основанного Александром Блоком и Николаем Гумелёвым. Благодаря назначению председателя «Гамбринуса» Валерия Шаронова* руководителем Московской областной организации Союза литераторов России, выпускаемая объединением городская газета «Литераторъ» обрела статус областной, по сути, федеральной, если учесть её популярность и распространение – от Крыма до Чукотки.

* Валерий Шаронов занесен в русское издание Книги рекордов Гиннеса, как совершивший велопробег вдоль границы Советского Союза. Автор двух сборников стихов и книги о здоровом образе жизни. Совершил велопаломничество в Иерусалим.

Наталья Андреева

Двадцать пятое октября

Давай запомним этот день.
Давай запомним этот вечер,
Когда метлой студёной ветер
Сметает с улицы людей.
Горячий чайник на плите,
И эти редкие минуты
Молчания, и так уютно...
Давай запомним этот день!
Давай запомним этот год –
Ничем не памятный, обычный,
Где будни серые привычны,
А праздники – наперечёт.
Ведь всё когда-нибудь пройдёт:
Уйдут друзья, утихнут драмы.
Покуда с нами наши мамы,
Давай запомним этот год.
Давай запомним нашу жизнь.
Достичь так многого хотелось,
Но мы уже вступили в зрелость,
И время перешло на рысь.
А что маячит там, вдали?
Короткий путь отмерен, длинный?
Ведь мы уже не половину,
Мы больше, кажется, прошли.
Прошли, промчались, пронеслись,
И где-то край уже означен...
...Да нет, ну что ты, я не плачу...
Давай запомним нашу жизнь!

Олег Будин

* * *

От язычества и басурманства
Князь крещением русичей спас,
Но в единую серую массу
Замесили столетия нас.

Мы без роду и племени бродим
Под небесным сокральным венцом –
Россияне по паспортам, вроде,
Но метисы душой и лицом.
И секли нас – такое бывало.
И секирой грозила Москва,
Только я не хочу быть Иваном,
От рожденья не знавшим родства.
Пусть мозги промывают газеты
Заголовками громких страниц,
Нависает рекламой подземка,
Где не вижу я родственных лиц...
Но с наследием, канувшим в Лету,
Не порву пуповинную связь –
Русский дух не исчезнет бесследно,
Погружаясь в небесную грязь.
Пусть подземка из камня и стали,
И высотки бетонные – пусть.
Мы и в бездне живыми перстами
Перекрестим Небесную Русь.

Леонид Бирюков

Спасибо

Спасибо вам, берёзовые рощи,
За то, что так светлы, так хороши!
Что с вами мне страдать в России проще,
Когда спасенья ищешь для души.
За то, что каждый ваш листочек слышит
Людскую боль и шелестит в ответ,
За то, что алой земляникой вышит
Ковёр опушки – мой приют от бед.
За то, что в рощу лишь войду я, вскоре
Мне легче станет, хоть душа горит.
Какое б не принёс я в рощу горе,
Она его всегда заговорит.
Какие б в рощу не принёс я слёзы,
Она их вытрет ласково, как мать...
Спасибо вам, российские берёзы.
И дай вам Бог ещё сто лет стоять!

Лара Бобкова

В деревне

В июльскую душную знойную пору
Нет лучше, друзья, вологодских просторов.
Когда по просёлкам бреду не спеша –
Дорога здесь чудо, как хороша!
Бежит на пригорок в прохладу дубрав,
Змейй извиваясь, спускается к речке,
Ромашковый луг обвивает колечком,
Даря аромат свежескошенных трав.
Едва различима внизу меж холмов,
Стоит деревенька с десятком домов.
Вокруг ни людей, ни зверей – ни души,
Лишь медленно ястреб над полем кружит.
Разносится жалобный крик средь полей,
Как будто он плачет над жертвой своей...
И снова подъём, и опять поворот,
Дорога всё дальше и дальше зовёт.
Чуть вправо шагнёшь – там по пояс трава,
А слева шумят надо мной деревья.
На холм поднимаюсь, и радует взор
Необычайный и дивный простор.
О, эти манящие синие дали!
Такой красоты вы, друзья, не видали.
Здесь сердцу спокойно, а глазу раздольно,
Душе благодатно, и дышится вольно.
Стою в восхищенье и чувствую я,
Что здесь мои корни, моя здесь земля.
Здесь, может, когда-то, в седой старине
Мой пращур скакал на горячем коне.
И ветер плясал у него в волосах,
И небо в его отражалось глазах,
И так же, как я, он в траве здесь валялся,
Любил, воевал, красотой любовался...
А нынче он в этом кургане лежит,
И древняя ель его сон сторожит.
Увы, в мире этом всё зыбко и тленно,
Лишь вечное небо одно неизменно.
Плывут и плывут облака в некуда.

Так было, так есть и так будет всегда.
Нет, братцы, в июльскую знойную пору
Ничто не заменит мне этих просторов!

Елена Варварина

* * *

Как трудно жить – не думать ни о чём,
Запрет забыв, идти куда попало,
И вдруг доверчиво склониться на плечо
Кому-нибудь, когда душа устала.
И в сочную траву врати лицом,
Дышать глубоко пряными цветами,
Потом смеяться, плакать обо всём,
Не вытерая слёзы рукавами.
Любить любого равно горячо,
Свободой владеть, а не богатством.
И так вот жить – не думать ни о чём,
И с нажитым легко потом расстаться.

Александр Жуков

Гимн крылатой пехоте

В атаке покидаем самолёты,
Торопим приближение к земле.
Вступает в бой воздушная пехота.
Теперь как повезёт тебе и мне.
Ранения свои потом залечим.
Готов схлестнуться в рукопашной взвод.
Враг будет сокрушен и изувечен,
Уверены – «калаш» не подведёт.
Мы для врага тайфун, мы из полёта.
Знак мужества – тельняшка и берет.
Вступает в бой воздушная пехота.
Для нас задач невыполнимых нет!
Любую крепость в мире мы осилим.
Пусть в нашу честь гремит оркестров медь.
Тот, кто обидит матушку-Россию,
Рискует дело с ВДВ иметь.
Есть своя правда в рёве миномётов.

В атаку взвод спешит наверняка.
Вступает в бой воздушная пехота.
В прорыв идут десантные войска!

Екатерина Ивлева

* * *

Вы для меня не больше, чем сон, не большее, чем выстрел в плечо, не чище, чем кафель перед приходом гостей, не важнее, чем весть от далёкого друга. По кругу сопротивляюсь, снимаюсь с места, на невесту не отзываюсь, каюсь, редко целую в щёку на воспоминание (не память). Вы заповедь «не возжелай». Я крайняя степень влюблённости в крайность и кратность часов. Любовь – повозка, в которой вы не важнее, чем лошадь.

Оксана Козлова-Никифорова

Парень с ул. Жулябина

Видно, будущее знал:
Веселился и гулял.
О любви мне в шумном споре
Вывел краской на заборе,
Пел с «перчинкаю» частушки,
Обнимал мою подружку,
Лез другую целовать,
Думал, буду ревновать...
Сто обид простила б Ване,
Он убит в Афганистане.

Игорь Ларин

Коммунальный роман

Мы встречались с тобой на закате
Наших встреч у тебя в коммуналке.
Ты, бывало, в купальном халате
С целомудренным видом весталки
Открывала мне дверь, опасаясь,
Страховидной соседки-старухи,
Вызывая ухмылку и зависть
У соседки другой – молодухи.

Втихомолку из тёмной прихожей
Подводила к своей комнатушке,
На бытовку по форме похожей,
Соразмерно убогой клетушки.
Говорила: «Разуйся, мой милый»,
подавая потёртые тапки,
Что остались от бедного папки,
Приезжавшего перед могилой.
И поила меня, и кормила,
Вкуснотищею всякой балуя.
Это было по-своему мило...
И тому воздаю похвалу я.
Ублажала меня, и не мало!
В темноте на диване-кровати.
И стихи, прижимаясь, шептала:
Мы встречались с тобой на закате.

Анна Муханова

И всё-же...

Что мечталось – не сбылось,
по зелёной акварели
жёлтой краской разлилось.

Что имели – не спасли.
В разноцветьях разговоров
растеряли, разнесли.

Серость будней – не для нас,
поглядим в глаза друг другу,
может быть, в последний раз...

А в лазуревой дали
облака чуть с позолотой.
В зорьке алой взвод пехоты,
тот, что мы не сберегли.

Ольга Третьякова

* * *

Я забываю о своём предназначенье,
Живу в грехе, с собою не в ладу.
И понимаю – скоро упаду,
Влетаю в полосу обледененья.
В той полосе у всех друзей виски
Как будто в инее, и нету бывшей страсти.
Всё чаще говорим мы про напасти,
Всё реже просим почитать стихи.
И почему-то всё длинней зима,
И с каждым годом всё короче лето.
На перекрёстке жизни я продрогла где-то
И не согрею никого сама.
Но вдруг нежданно среди бела дня
Звонок... И твой далёкий тихий голос.
И снова небо надо мною расколосось.
И тает лёд на крыльях у меня...

Ольга Харитонова

Базар

Моему отцу

Базар околдовал и оглушил.
Отец несёт обойную бумагу.
Поправил кепку, папиросу потушил:
«Чтоб у меня от матери ни шагу!

Искать не станем, потеряешься в толпе!»
Стучит от страха детское сердечко.
Ладонка в потной маминной руке,
упёрся пальчик в узкое колечко.

Людской неиссякаемый поток,
кругом мешки, картошка и корзинки.
А вот и он – заманчивый лоток:
свистульки, куклы, мячик на резинке!

Но мы проходим мимо, Боже мой!
К моей большой досаде и печали.
И я реву, и я прошусь домой –
натёрли ноги новые сандалии.

Надежда Царегородцева

Осеннее

Осень. И грустно оттого,
что птицы улетают,
что падает на землю снег
и сразу тает.

Блестит асфальт, обледенев,
и кружево ветвей темно,
и ты прошёл, не посмотрев
в моё окно.

Валерий Шаронов

Глухомань

У входа в церковь фотографии висят
С войны когда-то не вернувшихся ребят.
Совсем подросткам, кто – наказом, кто – мольбой,
Прийти желали им с победою домой.
Нет, не послушались, быть может, в первый раз,
Односельчан и матерей наказ.
Белесый чубчик, и во взгляде – простота,
Всё так знакомо, только форма вот – не та.
Прибита пряжка к косяку дверей,
«Got mit uns» – так написано на ней.
Привычно колокол над кирхою звонит.
Альпийская деревня, австрийский колорит.

Леонид Поторак (Молдова)

Родился в 1994 году в Кишиневе. Поэт, член Ассоциации Русских Писателей Республики Молдова. Автор поэтического сборника «В спичечном коробке». Публиковался в журналах и газетах «Русское поле» (Молдова), «Юность» (Россия), «Литературная газета» (Россия), «Интеллигент» (США), «Белый ворон» (Россия), «Грани» (Россия), «Русское слово» (Молдова). В настоящее время студент Карлова Университета в Праге (по специальности биология).

* * *

Приходит ветер с реки. Зима
Проходит вторую треть.
Дома толпятся в ночи, дома
Не могут себя согреть.
И между нами, снега копя,
Ложится земная гладь,
И, просыпаясь, возле себя
Дыханья не услышать.

И только где-то в квартире шесть,
Не торопясь ко сну,
Сосед до полночи лупит в жесть
И молится на луну.
Луна, качаясь в его борще,
Подумает: нет суда
Над нашей тоскою, и вообще –
И светится, как слюда.

И кружит ветер, и суета
Овладевает мной;
Но нет суда, и идут сюда
Суда от земли иной,
И как покажутся нам мелки
Наш невод и наш улов.
А мы – побитые черепки
Вблизи их крутых бортов,

В размахе их серебристых крыл
И в окнах их голубых.
И мнится каждому: прежде был
Он также одним из них,
Летел, плевал себе в облака,
Строку повторял одну,
Что расстоянья смешны, пока
Мы видим одну луну.

А может, стоит именно так
Сойти со своей оси:
На всем, что прежде имел, кулак
Разжать и поднять шасси,
И чтобы уже никогда – ко дну,
В такую же ночь и тишь,
Где я бы выл на свою луну,
Но ты на свою молчишь.

10 января 2014 года

Фонарь не горит. В темноте начинается год,
Чья краткость рассчитана верно от древних колен до
Еще не рожденных. Моргнешь – и сочельник, и вот –
Вторая календа

Уже различима на следующем рубеже,
Где брезжит какая-то чуждая сердцу свобода,
С потерей гранича, и судьбы полны миражей
Вблизи поворота.

Рождественский дизель пропах кипятком и смолой.
Рокочущим стадом от темного хлева отчалив
Вагоны выходят, январь унося за собой;
Вагоны в печали.

Печаль их, конечно, светла, как и должно в пути.
Им снится, что чуда не будет, и нечто большое
Уже, вероятно, осталось за цифрой «один»
И запахом хвои.

Тогда, словно снова над крышами всходит трубач,
Январский глашатай, и миру обещаны знаки,
Выходят из полночи ангелы мелких удач,
Стоят в полумраке.

Новая элегия

Станут стволы столами станет вино
Уксусом ноут примет данайский дар
Что остается улица за окном
Моцарт любовь и через дорогу бар

Думать об этом лучше зарывшись в плед
В позднем часу среди увяданья крон
Слушать негромкий ветер и знать что нет
Больше ни верст ни миль так сказать пардон

Думать об отдаленных концах земли
Где может быть имья в виду и нас
На воду сходят белые корабли
Сплошь велики как Богом нажатый капс

Музыка в баре трещит как гнилая снасть
Моцарт легко заменит земную ось
И не наслушаться и не напиться всласть
Завтрашним уксусом прежде чем снова врозь

Встретить другие сутки и тем скорей
В позднем часу покинув свою кровать

Встать у окна где тысяча фонарей
Выйдет на черное небо тебя искать

* * *

Ночь нежна. У побережья вереск.
Vita brevis. Мы, конечно, ars.
Где-то Велес двигает на нерест
Племя звезд, невидимых для нас;

Поздний катер с пристани бормочет;
В лавке крутят "Putting on the Ritz".
Ночь ценна лишь способом воочью
Наблюдать отсутствие границ,

Из всего, что тянется и длится,
Оставляя части, а от них –
Джаз и лица, только джаз и лица,
С явным преимуществом вторых.

И тогда – из бесконечной саж
Прочего – является тебе
Разум, порождающий пейзажи
С темным дубом, песней и т.д.

Пой мне, голос в записи нечеткой,
Радуги вращающийся срез,
Пой мне о безвременьи и чем-то
Также начинающимся с «без»,

Чтобы до утра успеть разглядеть
Этот бред, полуночный угар.
Слушай: ночь нежна, как ars amandi.
И прими как данность, а не дар,

Нашу близость, давнюю, наверно,
К той, недостижимой на вид,
Области, где чуть колеблем ветром
Парус, и мгновение стоит.

* * *

Белый свет станет белым к концу декабря.
Белый свет на твоей стороне, несмотря
На свою и твою осторожность в сближенье.
Подпусти его ближе – на том рубеже ли,
На другом – будет счастье, и будет борьба,
Будет времени биться живая игла,
Будет спор и покой, будет мирное пламя
За широким окном у двойного стекла.
Обернешься – а мир не громада над нами,
А союзник и преданный спутник; тогда
Жизнь вздохнет, жизнь качнет провода: «вот и эта
Перестала бояться изгибов сюжета»,
И завалит замерзшей водой города.
Белый свет будет бел, будет светел рассвет
Над землей. Поглядишь – за окном первый след.
По глубоким снегам, неуклонно белея,
Прошуршит пешеход, и представится время
Наименьшей и наидлиннейшей из бед.

* * *

ты все еще спишь рассыпается снег
а нечто вершится над нами
и вдруг совершается голубь в окне
и веник еловый в стакане
над крышами носит большую пургу
окно дребезжит на ветру и
мне снится что в этом счастливом кругу
меня распластает витрувий
и господи как же мы станем ясны
каким же наполнятся светом
все лампочки мира все елки и мы
и в тучах плывущая эта
то злая фигня то святая звезда
сродни близнецам да плеядам
которая нас возвращает сюда
хоть голубем хоть снегопадом

Людмила Свирская (Чехия)

Людмила Свирская. Родилась в Алматы (Казахстан). В 17 лет переехала в Барнаул (Алтайский край) и поступила в университет, на факультет филологии и журналистики, который окончила в 1995 году. В том же году вышел первый сборник стихов – «Дамское седло».

С 1999 года живет в Чехии. Участница фестивалей «Памятник Пушкину», «Эмигрантская лира», «Славянские традиции», автор 7 поэтических сборников и 70 публикаций в различных изданиях России, Казахстана, Чехии, Австрии, Германии, Финляндии, Бельгии.

Автор музыки к песням на собственные стихи.

* * *

Какою была тогда осень в Брюсселе!
Изящная крепость бельгийского слога...
И листья на кончики веток присели,
Как будто вздохнув перед дальней дорогой.

Весной – не была. Но пыталась представить
Брожение, кружение, хотенье, цветенье...
Теперь ничего никому не исправить:
Над городом – вечные черные тени.

Ведь горе не может быть выпито залпом:
Ему в наших душах ворочаться тесно...
Мы рядом...сегодня, а, может быть, завтра
Нас кто-то оплачет... вовек безутешный.

* * *

Что ни день – то испытание:
Беспокойная пора.
Учит сын Месопотамию,
Учит с самого утра.
Помогаю. Но, признаться, я
В мире древнем не сильна...
Колыбель цивилизации,
Скрипки первая струна.

Люди щедрые и юные
На другом конце земли
Цифры вовремя придумали,
Календарь изобрели.
Был в долине, между реками,
Первый друг и первый враг...
Тот Восток, что ближе некуда,
Вот он: Сирия, Ирак.

Как жить дальше, если истина
Не открыта до сих пор?
В карту вглядываться пристально,
Словно в общий приговор,
Чтоб спокойными казаться и
Ждать родных, пока живых...

Карусель цивилизации –
Сгусток точек болевых.

* * *

А вдруг закончатся стихи?
Весь день, всю ночь – внутри пустыня
И русло высохшей реки...
А если вдруг душа остынет
И перестанет бить в набат
При каждом гвоздике в ботинке,
Любить и верить невпопад,
Качаться в звездной паутинке?

А вдруг закончится тоска,
Что сыплет с неба каждый вечер
И, вздрогнув над листком, рука
Поймет, что ей заняться нечем?
Повиснет горестно... но все ж
Вспорхнет, как бабочка лесная,
К тебе в ладонь... Ведь ты спасешь
Меня тогда – я это знаю.

* * *

Чехия – синоним тишины:
Буквы все в названии глухие.
Вечером шаги едва слышны,
Будто листья падают сухие.

Шепотом, вполголоса, слегка,
Просто жестом, взглядом – привыкая –
Тянемся друг к другу сквозь века...
Пиршество родного языка –
Местная особенность такая.

Впрочем, свой, чужой – не различишь:
Все равно одно – давно случилось.
Тишина. Ты ходишь и молчишь,
Чтоб я счастье слушать научилась.

Поросенок Ниф-Ниф

Нас на этом свете только трое.
Старший брат цеплялся, как репей,
Дом кирпичный предлагал построить...
Я Ниф-Ниф, который всех глупей,
Говорю: быстрее – из соломы,
Потому что рвется прочь душа...
Не могу сказать, что я бездомный,
Просто мне хватает шалаша.
У меня есть стол, кровать и кружка,
И прохлада в летнюю жару...

«Здесь с тобою рай», – моя подружка
Мне шепнула как-то поутру,
Помня волшебство грибного супа,
Котелок забытый на траве...

Я Ниф-Ниф, который самый глупый,
С золотой соломой в голове.

* * *

Случается: нет ни минуты
На то, чтоб поспорить с судьбой.
Привычные в жизни маршруты:
К себе, от себя, за собой...

Строку очищаю от пены,
Как сердце – от ревности мук...
...А дети растут постепенно,
Чтоб я постарела – не вдруг...

Колокола

Когда печаль, божественно-светла,
Глухой тоской становится упрямо,
Иду я с сыном «на колокола»
К подножию стареющего храма.

И на краю испытанной весны,
Под небом – ослепительно – бессонным,
Впадаю в продолжение тишины,
Паля над Прагой колокольным звоном.

Мы оба замираем не дыша:
От изумленья – сын, а я – от боли...

Во все колокола звонит душа,
Надеясь, что услышат... поневоле.

* * *

Ну, напиши! И не жалей слова!
Зачем они, когда уже за сорок
И пройдена любовь, как дважды два?
А потому – восторга и позора
Становится всё меньше.

Не жалей

Ни губ,
ни рук,
ни снов своих,
ни Яви!

Скажи, что я «на свете всех милей»:
Не веришь?

Не решаешься?
Не вправе?

Всё вычисляешь плотность и объём
Любви моей – вовеки безысходно...

...Хоть раз проснуться б на плече твоём –
Единственном, для этого пригодном.

* * *

У беды, как у счастья, свой запах:
Не вдыхать бы! Так нет же! Силком!
Боль что подлость: подкралась внезапно
К безоружной ко мне, босиком.

В позвонках профальшивив бемоли,
Протопталась по легкой груди...
В мире нет ничего, кроме боли.
Ничего, кроме боли. Почти.

Как пусты ежедневные страсти!
И обиды надуманы – в крик...
Твердо знаю теперь я, что счастье –
Если боль отступает на миг.

Малиновый свитер

Теперь мне по ночам так горько спится:
Потрескивает сердце, как свеча...
Молитвы шепчут тоненькие спицы,
Серебряными клювами стуча.

Нет бабушки давно. Но кто-то вяжет
Мне свитер, повторяя: «раз» и «два»...
И тянется малиновая пряжа
Со дна души, которая – права...

К чему e-mail и номер телефона,
Коль здесь любовь, в моих руках уже?..
И музыка малинового звона
Не затихает в дремлющей душе.

* * *

Листок кленовый бросила.
Вспорхнул, исчез... куда?
На фоне этой осени
Я слишком молода!

Забот, что понавесила,
Не видно со спины.
Дрожит моя поэзия
На кончике весны.

Ложатся строчки лунные
На черные поля,
Растут детишки юные,
Мне сердце веселя,

И листья, как поклонники,
Все мельтешат в окне...
Тяну через соломинку
Я юность, как во сне:
Последнюю, на дне...

Наталья Волкова (Чехия)

Волкова Наталья родилась и провела детство в Екатеринбурге (тогда ещё – Свердловске), более 20 лет живёт в Праге, где закончила Карлов Университет с титулом доктор (по специальности «славянские литературы»). Преподаватель, переводчица, журналистка, член союзов русскоязычных писателей Чехии и Болгарии, а также синдиката журналистов ЧР.

В Праге были изданы четыре сборника её стихов, кроме того её стихи и статьи печатались в различных журналах, газетах, научных и поэтических сборниках в Чехии, России, Австрии, Польше, Болгарии и США.

Увлекается игрой в театре и кино, бальными танцами и велоспортом.

Памяти Бориса Рыжего

Коль вам дано неназванною силой
Дать имя существу – как дал Адам в раю –
И чувствовать, что страшно, что красиво,
А боль чужую – больше, чем свою,
Наступят неизбежно дни такие,
Что жизнь не будет стоить и гроша...
Всего трудней поэту жить в России.
Здесь боли больше, чем вместит душа.

* * *

Во рту растаял нежно козий сыр
С таким, словам неуловимым, вкусом,
И чуть фруктовый аромат вина
Букетом радужным наполнил ноздри,
Что, может быть, из этих мелочей,

Стихов творенья вовсе недостойных,
Любая тайный смысл в себе несёт
И к вечности стоит гораздо ближе,
Чем приторные радости любви,
Чем слишком пряные фанфары славы
И кислый вкус огромного богатства.

* * *

Ропщут листья под моей ногой.
Не предвидя участи такой,
Лепетали радостно весной
И пленялись света новизной.

Да, конечно, знали, что придёт
Осень и зима, и унесёт
Солнце, соки жизни, только вот,
Впереди, казалось, целый год!

* * *

Тени ажурные на тротуаре,
Ветки купаются в низком тумане,
А фонари в апельсинном угаре
Путь освещают гуляющей пьяни,

Светятся окна все реже и глуше,
Тают шаги, пропадая без эха,
В городе только заблудшие души:
Свет фонарей им плохая утеха.

* * *

Нежным свистом, птичьей трелью длинной
Прага утро новогоднее встречает,
И трамвай ночной баюкает, качает
Брызжа искрами, как гроздьями рябины.
С улиц, вымытых полуночным дождём,
Клейкий запах первых хрупких почек
Отпускать домой меня не хочет.
Чтож, побродим и рассвета подождём.

* * *

Какое странное смятенье
внезапно пробуждают в нас
места, где долго не был.
Тени
прохожих – не сегодняшних, не здешних
идут на встречу.
Тех, что, много раз
и лет
назад, ходили здесь.
И даже небо
как будто поменяло цвет
из летнего тускнея на осенний.
И на вопрос тебе я не отвечу
Ты есть
сегодня, но меня тут нет.

* * *

Опять ночной оборванный покой
разбитый ритм.
Кто умерли зимой, пришли со мной
поговорить;
В ушах, хотя всё глуше, но звучат
их голоса,
И затянулся полуночный чат
на пол часа,
На час, на два, на три, скорей смотри
и отвечай,
Все те, кто умерли, ко мне пришли,
как в пять на чай;
Молчит и спит, кто сыт, кто жив-здоров,
а ты шепчи,
Мне свой уже от этих голосов
не отличить...

Лейла Бегим (Чехия)

Лейла Бегим родилась в Баку, живет в Чехии, в Литомержице. Член союза писателей Азербайджана, член союза русскоязычных писателей Чехии. Автор четырех поэтических сборников, изданных в России и Праге. Стихи Лейлы на русском языке печатались в различных газетах, альманахах и литературных изданиях в России и Баку. На чешском языке сонеты Лейлы в переводе Милана Дворжака издавались в литературной газете «Tvař».

Лейлой в соавторстве с израильским сценаристом и режиссером Ефимом Абрамовым написано четыре пьесы.

Пьеса «Два листика мяты для любви» переведена на чешский язык Миланом Дворжаком. В настоящее время в одном из бакинских государственных театров готовится постановка пьесы «Мечтающие мальчики».

В качестве предисловия:

1. На улице Целетной 2 в Праге жил Петрарка.

2. Традиция гласит, что последний раз Петрарка видел Лауру осенью, 27 сентября 1347 года.

3. Согласно Морису Сэву, в могиле Лауры была обнаружена свинцовая коробка, в которой находилась медаль с изображением женщины, раздирающей грудь, а также сонет Петрарки.

В связи с этим я и осмелилась предположить, что любовь Петрарки была не «безответна», а скорее «безысходна», так как Лаура, была верной женой графа де Сада и матерью 11 детей. Также известно пристрастие Лауры к литературе. Она была участницей Авиньонского «Двора Любви».

4. Петрарка был коронован лавровым венком в Риме.

Пролог

Осенний луч гуляет по Целетной.
На улице пустынно – Прага спит.
Когда-то здесь поэт строкой сонетной
Увековечил старых стен гранит.

И перст незримый таинства столетий,
Перелистав «Триумфы», как Левит,
Чеканку оживил на тусклой меди:
Слеза с портрета Лауры скользит...

Так безысходен у любви был путь.
Скучая по Петрарке очень сильно,
Она стихами раздирала грудь.

И разум ей советовал: «Забудь».
Душа не слушала его – ничуть.
И вились к небу лаврами терцины...

Первое письмо:

*«Ах! ныне слезы лью из этих врат.
Но честь ли Богу влить мне в жилы яд,
Когда, казалось, панцирь был ненужен?
Вам под фатой таить железо лат?»
Ф. Петрарка*

Не под фатой скрываю позолоту,
И не под лифом прячется душа.
В моих стихах глаголет тишина –
Прислушиваясь к ней, и тают годы...

Не обнажают истину полотна,
Под ними свечи чувственно дрожат.
Дилемму и святые не решат,
Творцу Вселенной коли не угодно...

С надеждой засыпает Авиньон,
Лазурный берег от прибоя плачет.
Я слышу голос Ваш сквозь дивный сон.

Слух умиляет тихий баритон,
Срывая с уст, любимых Вами, стон,
И все уже мне видится иначе...

Второе письмо:

*«Вздыхаю, словно шелестит листвою
Печальный ветер, слезы льются градом,
Когда смотрю на вас печальным взглядом,
Из-за которой в мире я чужой».*

Ф. Петрарка

Сегодня я проснулась на рассвете,
Услышав ветра вздохи у крыльца –
Он словно мир весь рифмой порицал,
Собрав дожди душевные в сонете...

Храню один из них я в амулете –
В изящном тельце мягкого свинца.
Благодарю я за Любовь Творца,
Хотя жить с нею нелегко, поверьте...

Вот небо разругалось вовсю,
И солнце отразилось в сонных лужах,
Чтоб разогнать скиталицу-тоску.

Я Вам послать стихи свои рискну
И осень за разлуку не кляню...
Пускай она нас, вопреки, закружит...

Третье письмо:

В канун праздника Введения Во Храм Пресвятой Богородицы, в ночь с 3 на 4 декабря, около полуночи, на несколько минут, невзирая на любой мороз, распускаются все вербы. Это считается одним из Божьих чудес.

*«Когда моя надежда, увядая,
Не прежнюю пришла ко мне дорогой,
Размытой болью и закрытой сном,
И как бы молвила, едва живая:
«Не падай духом, не смотри с тревогой.
Твой взор еще увидит жизнь в моем».*

Ф. Петрарка

Ваш взор увидит и в моем надежду,
Ее я прячу от ревнивых глаз.
И каждый миг вдали сближает нас,
Хотя абсурдно этим сердце тешить.

Уже и звезды светят в окна реже,
Ночного неба потускнел атлас.
Еще немного – Авиньон заснежит,
Не любит холод солнечный Прованс...

Но весен не задержится пора –
Лучами Солнце разлинует небо
И впишет в строчку наши имена.

Не зная перемен, душа верна
Седому времени, и ждет она
Когда распусятя цветы на вербе.

Четвертое письмо:

Лаура снилась Петрарке и во сне признавалась, что любила его, но избегала встреч с ним ради общего их спа-сения. Проснувшись, поэт написал:

*«Следя с небес за мной, осиротелым,
Она себя являет нежным другом,
Вздыхая обо мне со мною вместе...»*

*«Но тщетно. И несчастный сокрушенно
Нахмурился, напоминая нас,
Когда не видим мы любимых глаз
И нам не удержать разлуки стона.»*

Ф. Петрарка «Книга песен»

Все видится поблекшим и печальным,
Когда любимых глаз огни вдали,
Но под мотив сонетов иль молитв
Свет ослепляет вдруг тебя ночами...

И нежишь плоть горячими лучами,
И душу отпускаешь – пусть парит
В саду, где выбрал Красоту Парис,
Лишь Афродите яблоко вручая.

Земных услад вкусить ты можешь плод,
А коли слезы навернутся, смейся –
Хоть счастье ветер нам не принесет,
Надежда устремляется в полет!

Но чистый глас колоколов зовет –
Пора вставать на утреннюю мессу.

Пятое письмо:

*«Быть может, с речью времени былого
Речь наших дней сплетет искусный труд
И люди весть до Рима донесут
Страшусь сказать! о том, как это ново.
Но часто мне для моего труда
Недостает благословенных нитей,
Которые мне Ливий мог бы дать.
По-дружески мне руку протяните
(Вы не бывали жадны никогда),
Чтоб мог и я прекрасное создать»*

Ф. Петрарка «Книга песен»

Зима в пути и чайки вдруг умолкли.
Продрог лазурный берег, дует ветер,
И песнь волны с мистралем, как дуэт,
Хрустальным эхом тянется далеким...

Вплетаю Ваши золотые строки
Узором новым в выходной барбет,
Мне Муза шепчет: «Напиши ответ» –
И вот мое письмо уж на пороге.

Я так скучаю, помню каждый взгляд...
Тяну к Вам руки, чтоб согреть ладони –
Замерзли под дыханьем ноября.

Стихи под сердцем, спрятавшись, болят,
И новых рифм сочится в жилы яд,
И осень, увядая, тихо стонет...

Ольга Белова-Далина (Чехия)

Родилась в Мурманске. Образование получила в Москве и Праге (МИХМ, МИПТИЯ, Карлов Университет). Москвичка, проживающая в Чехии. В настоящее время преподаёт английский язык чешским студентам. Автор-составитель сборника «История искусств. Краткий курс лекций для средних школ» (Москва, 1997, 2000). Среди публикаций также статьи по педагогике и психологии искусства, подборки стихов, рассказы в литературно-художественных и научных изданиях России, Чехии, Финляндии, а также сборники стихов «Одинокая гостья» (Прага, 2011) и «Серединогорье» (Прага, 2014).

Дважды лауреат Пражского международного литературного фестиваля (2013г., 2014г. – первое место в номинации Поэзия).

Член Союза литераторов РФ, член Союза русскоязычных писателей в Чешской Республике.

Главный редактор альманаха «Пражский Парнас» Союза русскоязычных писателей в Чешской Республике, с 2015 г.

Стихи из цикла «Легенды старой Праги»

Княгинин клад

Жена Премысла, мудрая дочь Крока,
княгиня Любуша – гласит молва –
клад спрятала – до времени, до срока –
в утробе Вышеградского холма.

И только тот, кто чист душой и телом,
в пещеру беспрепятственно войдёт.
Но, говорят, невероятно смелым
он должен быть – греха не знавший тот.

Отчаявшись спасти больного брата,
и гол и бос – всем беднякам под стать –
один такой, зажав в горсти дукаты,
отправился сокровища искать.

И расступился склон холма скалистый:
подобных непреступности скалы
не так уж много в этой жизни истин,
и дел, достойных Высшей похвалы.

На свет шёл путник – свет мерцал в пещере –
забыв про голод, жажду, страх и боль.
А за спиной рыдали люди-звери:
добро со злом вступало в смертный бой.

Вдруг тишина. Свет победил над мраком
Высокий зал: под факелом – сундук.
На нём, безмолвствуя, сцепились в драке,
угля черней собака и петух.

Но обернулся путник: голос брата
взывал к нему, тоски и муки полн...
В руке сжимая тусклые дукаты,
смотрел бедняк на Вышеградский холм.

О еврейской невесте

*Лейтесь, лейтесь, розы щёчные
В воду вечную, проточную.
М.Цветева «Крысолов»*

В еврейском квартале,
у Влтавы-реки,
торговец жил, с дочкой-невестой –
Ревеккой, Манефой, а может, Рахиль.
Как звали её – неизвестно.
Посватался
к девушке старый еврей,
но строго ему отказала,
отца не послушав, красotka Эйдель,
а может быть, скромница Сара.

Однажды свою
 непокорную дочь
увидел торговец у Влтавы.
Смеркалось. Густела июльская ночь.
Луна серебром выстилала
поверхность реки.
 Распевал соловей
свои полуночные трели.
Рахиль, или Сара, и лодочник с ней –
обнявшись, у лодки сидели.
– О как ты посмела,
 беспутная дочь,
гулять при луне с нечестивцем?! –
бранился родитель, гнал юношу прочь:
в мужа, мол, такой не годится!
А лодочник молча
 направил свой чёлн
к широкой реки середине,
и там, озарённый холодным лучом,
исчез в непроглядной пучине.
– Иду за любимым!
 Отец дорогой,
простите! Прощайте навеки! –
сомкнулась гладь водная над головой
Манефы, а может, Ревекки...
Спустя десять лун
 разлетелась молва –
людская молва, как стихия:
жена водяного сына родила –
Дороном зовут... или Тхией*.

О клариссе

– Дитя дорогое, скажи, не таясь,
какого б ты мужа хотела.
– Ты знаешь его, мой отец, грозный князь.
Рук милого видел ты дело.

* Еврейские имена Дорон – подарок, Тхия – возрождение.

– Так кто же он – рыцарь? Счастливый отец,
военной утехи ревнитель,
я завтра тебя поведу под венец.
Свидетелем мне Вседержитель!

– О нет, мой жених – земледелец простой –
поля засекает весной,
он с плугом знаком, с бороной и сохой...
– Стать хочешь крестьянской женою?!

Не быть тому! Тело, как храм, сохранив
под чёрной туникой клариссы*,
молитвой наполнишь унылые дни
в обители Клары Ассизской!

У врат монастырских метнулся платок –
всё было к побегу готово.
Но княжеский меч был и быстр, и жесток,
отцовское сердце – сурово...

Столетия промчались, прошли времена,
забыто, что было когда-то.
Но видели в Праге клариссу: она
дарила влюблённым дукаты.

* Кларисса, или кларитинка, -- монахиня ордена Клары Ассизской (последовательницы Франциска Ассизского, основателя ордена францисканцев).

«Письмо к потомкам» Франческо Петрарки*

*Был же я один из вашего стада...
Из «Письма к потомкам» Ф.Петрарки*

1.

К тебе обращаюсь, далёкий потомок,
к тебе вождеуют бегущие строки,
тебя призывает – так призрачно тонок –
мой голос, пронзая пространства и сроки.

Сужденья людей обо мне так не сходны –
ведь меряет каждый особым аршином.
Ни нищим я не был, ни высокородным –
лишь в стаде людском человеческим сыном.

Я в юности был прямодушен и скромнен.
Но жизнь исказила безгрешность привычки:
и похоть и суетность стали, не скрою,
чертами моими. Судья мне – Всевышний!

Случается, что искушая гордыней,
с пути нас сбивает Зиждитель великий,
себя чтоб познав, мы и присно и ныне –
вовек – отвергали пороков вериги.

2.

Всегда и богатство, и блеск презирая,
вкусал я простую и скудную пищу.
У трапезы скромной, однако, с друзьями
был весел не мене, чем Маркус Апиций.

Пристойной любовью страдал я единой.
И не было женщин Лауры прекрасней!
Теперь мне виски убелили седины,
и проклял я младости плотские страсти.

* Это вольное переложение автором в стихотворную форму отрывка из написанного в прозе «Письма к потомкам» Петрарки в переводе с латинского М.Гершензона.

И вот, отрешившись от мерзкого дела,
я славлю усердно, и денно и ночью,
Создателя, чист и душою и телом.
И дух мой высок, и глагол непорочен.

3.

К хулителям злобным несдержанным был я –
не просто несдержан, коль быть откровенным –
готов был смешать их с дорожною пылью.
Но быстрым был гнев, остывавший мгновенно.

До дружбы сердечной был жаден без меры,
лелеял её, будто ока зеницу,
друзьям – в том числе венценосным – был верен,
но больше свободу любил я – как птица...

У старца, увы, незавидная доля –
оплакивать близких своих безутешно
в навек опустевшей печальной юдоли,
за гранью которой откроется Вечность.

.....
К тебе обращаюсь, далёкий потомок,
тебя окликаю из тлена и мрака!
Хвалу воздавая Христу и Мадонне,
письмо завершаю.

Франческо Петрарка.

Ѓайовна

(рассказ)

– Мам, пойдёшь со мной в чаёвню? Я научу тебя курить кальян. Поболтаем. Кажется, хандрю.

Моя двадцатилетняя дочь умеет курить кальян. А я – нет. Я даже не знаю, хорошо это или плохо, опасно/безопасно, полезно/бесполезно. Я плохая мать. А хорошая – это как? Я вот своим детям даже посоветовать ничего толком не могу, особенно, если совет касается чего-то, чего в моей жизни не случилось. Ну разве я могла лезть со своими советами по поводу, когда лучше сдавать экзамен по римскому праву – весной или осенью? Мы ведь не выбирали: сроки экзаменов были установлены без нашего участия и обсуждению не подлежали.

И ещё я не умею от детей «добиваться своего». Сын, например, захотел получить высшее образование в Москве. Мне бы настоять на своём: учись в Праге. Не настояла. А теперь вот живу между Прагой и Москвой: сын в Москве, дочь в Праге.

– Ну что, идём?

– Куда? Ах да, кальян. А это прилично?

– Что именно?

– Ну, ты с мамой. Туда же молодёжь без родителей ходит.

– Мам, ну, во-первых, ты выглядишь гораздо моложе своих лет, а, во-вторых, ты выглядишь, как *la femme fatale*, а уж им-то всё можно.

– Фам фаталь, говоришь?

Я превратила хорду спины в отрезок. Хрустнуло. Вообще-то, я всегда считала, что мой тип – «травести». Формы, правда, могли бы быть поскромнее – и как травести, значит, не удалась.

– Ну так что? Идём?

– Да.

Договорились, что дочь моя посвятит утро, чудесное субботнее пражское утро, всё тому же римскому праву, а в два часа мы встретимся на остановке Чернинова улица, где и находится чаёвня.

У меня было достаточно времени, чтобы пробежаться по магазинам, но приехав на Намнести Републики, я решила прогуляться.

Целетная улица. Прашна брана. Дом у чёрной панны. Педагогический факультет Карлова университета: кафедра англистики – по лестнице, на третий этаж, налево и ещё раз налево. Вспомнился профессор Халупский, читал нам английскую литературу (замечательно читал). И Кристинку вспомнила. Она преподавала фонетику. Мы её так и звали, за глаза – Кристинка: была моложе нас, всех, получавших кто второе, кто третье высшее.

а Старомнестском Намнести было обычное столпотворение. Туристы: чы, парочки. А я вот опять не удалась: одна. Впрочем, пожалела я себя

очень быстро: вспомнила о своей повадке «ортодоксального индивидуалиста». Ну ни парами, ни группами мне не ходится. Даже из поезда обычно выхожу последняя – чтобы не в толпе. Почему не первая? Не люблю и не умею «расчищать себе дорогу»: локти слабо развиты. И ещё: первый лишён возможности наблюдать за происходящим как сторонний наблюдатель.

Дворами я добежала до «Палладиума»: магазины и магазинчики, кафе и кафешки, рестораны, антикварные лавки, бутики, бельгийские пралинки.

Быстро сделав необходимые (и ненужные) покупки, я расположилась в одном из размещённых на территории торгового центра кафе. Официантка принесла капучино и малиновый пудинг. Капучино был отвратительным, пудинг – так себе. Я заглянула в пакеты с покупками: баночки и тюбики с кремами, ночная сорочка на узеньких бретельках, в пол, короткий халатик с трогательными рюшечками по вороту, два свитера. Травести, ей-богу, травести. Ни малейшего намёка на фам фаталь. Дочь ошиблась.

На этот раз жалеть себя времени не было совсем: чтобы оказаться ровно в два в назначенном месте, надо было поспешить на автобус. Опаздывать я не люблю (королевские привычки изживаются с трудом).

Приехав на Чернинову улицу, я поняла, что по наследству передаётся всё: цвет глаз и волос, профессия, даже само наследство, только не королевские привычки.

Выйдя из автобуса, я, увешанная пакетами с названиями популярных торговых марок, простояла минут десять в ожидании дочери. Одна, как перст. Торговец овощной лавки разглядывал меня с тоской и нахальством. Вспомнился случай в одном из супермаркетов городка, где мы живём, два пана «бальзаковского» возраста (этим я хочу сказать, что джентельменам было слегка за пятьдесят) так же внимательно разглядывали меня. Тогда, правда, обошлось и без тоски, и без нахальства. Один из упомянутых джентельменов подошёл ко мне и, извиняясь и раскланиваясь, как это умеют делать, наверное, только чехи, произнёс: «Я прошу прощения, милая пани, дня доброго вам желаю прежде всего, если позволите, только не обижайтесь, я не имею в виду ничего плохого. (Ну же, ну выдави уже из себя!) Мы с другом, то есть, хотели вам сказать, что вы очевидное подтверждение того факта, что недаром говорят, что чешки самые красивые женщины на свете.»

Ну наконец-то, изрёк.

– На чужой могилке плачете, панове.

Нет, ничего плохого я не имела в виду. Просто воспользовалась идиомой, понятной каждому чеху, которая означает примерно следующее: не по адресу обращаетесь, господа хорошие. В общем, пришлось объяснить, что я русская. Надо было видеть эти лица. Ну что ж, господа, это вам за то, что русских не любите. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что русофобией страдают далеко не все чехи. Однако сложилось впечатление, что хроническая русобоязнь

непрерывно должна значиться в анамнезе претендента на роль члена чешского правительства, если он не на шутку жаждет им стать.

Ну наконец-то! Вдалеке появился выразительный силуэт: фигуристая, волосы длинные, с рыжиной, высокий каблук (это при больной коленке!). Идёт с достоинством, не торопится.

– Извини, пришлось вернуться: забыла документы, кошелек и зонтик.

Ещё перчатки и часы могли быть среди забытых (не обязательно дома) вещей. Да, это тоже наследуется. Смысла злиться нет.

Идём в чаёвню: дочь – с достоинством, я – с сумками.

Заведение находилось во дворе, плотно окружённом высотными зданиями, построенными, вероятно, в первой трети прошлого столетия. Тяжёлая стеклянная дверь покорила не сразу. Винтовая лестница – вниз. Свет – приглушённый. Музыка – приятная. За барной стойкой – молодой человек. На лице – удивление: гостей здесь в этот час не ждали.

Диваны и диванчики, кресла, подушки с восточным орнаментом, на полу – ковры. Мы выбираем уютный уголок в конце зала, отделённый от общего пространства сколоченной из реек ширмой: два дивана, между ними – приземистый стол. Ковры, подушки. Надпись: Предпочтительно для групп из 4-6 человек.

– А кальян? – забеспокоилась я.

– Принесут.

– Тогда предлагаю выбрать язык общения.

Мы часто так делаем: переключаемся с одного языка на другой, ради забавы, используя русский, английский и чешский, иногда французский (это дочь, я по-французски не говорю, немного понимаю)

– Английский для начала, – сказали мы в один голос.

Заслышав английскую речь, хозяин заведения, сменив удивление на приязнь, приблизился к нашему убежищу. Заказ – кальян со вкусом мандаринов и корицы, чай «масала-йоги» – был сделан на чистейшем чешском, после чего мы перешли на беглый русский, окончательно заморочив голову молодому человеку.

Потом уже под кальян, который я научилась курить не сразу, мы долго говорили о своём, о девичьем и бабодурьем, теперь уже по-английски, чтобы вернуть доверие хозяина чаёвни.

Я смотрела на дочь, которая прищурив глаза наблюдала за пузырьками в кальяне, время от времени выпуская изо рта колечки дыма.

Подумалось: а, может, умение «настаивать на своём» – не самое важное? Важнее выслушать своего, пусть взрослого, пусть самостоятельного ребёнка (да кого угодно), показать свой искренний интерес к его взрослой-самостоятельной жизни. Надеюсь, я это умею.

А ещё я теперь умею курить кальян.

Так уж повелось, самые чувствительные из нас не жалуют число 13 – чёртову дюжину. Но сегодня мы предлагаем вам забыть о своих опасениях, связанных с упоминанием «несчастливого» числа: в гостях у «Пражского Парнаса» **Московский клуб юмористов и сатириков «Чёртова дюжина»**. Улыбнитесь, господа!

«Чёртова дюжина»

(Россия)

Александр Галаганов

Город Электросталь Московской области. 1955 год рождения. Учитель в московской школе. Художник-карикатурист. Композитор и поэт в жанре авторской песни.

Косой дозор

(Пародия)

Антон Деревенский разлепил заплывшие после вчерашнего глаза. . .

Надел очки – вошёл в сумрак... Запищали комары, повеяло холодом...

Снял очки – посветлело, стало теплее. Протёр очки – оказались чужие.

Снова надел – весь мир перекосило, ему вдруг захотелось крикнуть: «Всем выйти из сумрака, кровососы!»

Но никто не отозвался. Только клопы копошились под ковром. Антон взял фонарик, хотел их пугнуть, но фонарик оказался китайским. Клопы сощурили глаза и высунули языки. Стало обидно. Выпил три бутылки вина «Бычья кровь», другого не было... По столу хаотично запрыгали зелёные зайцы.

– Стоять! – крикнул Деревенский.

Зайцы остановились и попадали, как доминошки.

– Косой Дозор! – крикнул Антон.

– Сами видим, – мрачно ответили зелёные зайцы. – Видим, что совсем ко-
сой, ляг, проспись!

– Не хочу, я иной, – огрызнулся он.

– А мы-то!

Антон всмотрелся пристальнее. И правда, зелёные зайцы были не похожи на обычных грызунов... Одни из них оказались светлее, но в хитрых косых глазах играли нехорошие огоньки, другие выглядели тёмными, из их улыбочивых ртов вместо резцов высывались загнутые окровавленные клыки... Да! Они все были иными, и от них тянуло необъяснимой тревогой! От заячьего мельтешения подташнивало и двоилось в глазах. Деревенский пошарил в тумбочке... О, радость! Ещё бутылка «крови»! Он стащил зубами пластмассовую пробку, засосал содержимое в два глотка, и с криком: «Всем выйти из сумрака! Косой дозор!» – упал головой в остатки салата...

...Напрасно зелёные зайцы выскакивали из тени и прыгали у Антона на ресницах, он ушёл на другой, более глубокий уровень...

Паша Попов

(Рассказ-тавтограмма)

Попов проснулся. Пошарил по перевёрнутой постели. Попался пульт. Паша пощёлкал, переключая программы, прогоняя постоянное похмелье. Пятница. Пронзительно пахли портянки.

Потомственного петербуржца Пашу Попова посетил пьяный патриотический порыв. Подержанный помаргивающий «Панасоник» показывал передачу «Покупай!»: прокладки, пасту, «Пежо», парламент, президента...

Паша покивал, поцокал, послонявил палец, поковырял плесневую пиццу. Поэт-пародист Попов предпочитал посвежее. Поодаль понуро пасса Пашин полупьяный Пегас.

– Пойду поддержу питерских производителей паршивого пойла!

– Покупать! – подумал Попов. Повертел полосатый пластиковый пакет. – Поместится? Посмотрим.

Принарядился. Пошёл, просматривая панорамные постеры продавцов посуды. Перешёл проспект Подгорного. Погладил подбежавшего пуделька. Пёсик понимающе погавкал. Павлик прогнал паршивца пенделем.

– «Перекрёсток»? «Пятёрочка»? «Продукты»? – помялся Паша.

По проспекту, противно пофыркивая, проехала поливалка. Петербург просыпался.

– Придумал! «Продукты»! – Пошёл. Постучался.

– Полюбочка, пожалуйста, пять портвейна!

– Паш, после полудня продам. Правила! Пивка прими!

– Подстава!

– Понимаю... – продавщица погладила Пашу по плечу. – Потом приходи.

Паша понуро побрёл, пиная пустые пакеты, палки, пробки, пузырьки. Попыхивая, прогрохотал празднично приукрашенный помпонами паровозик. Полетели прокламации.

Памс! Поребрик! Прилипшее приглашение: «Промо пробы португальского портвейна!» Паша понял: «Пора!»! Подцепил. Перечитал. Побежал по переулкам. «Перекрёсток»... По пятницам! Победа!

По пути придумал поэму про портвейн. Получалось прикольно.

Примчался. Пусто. Приглашение попало прошлогоднее.

Пипец! Паша порывисто подпрыгнул. Почесал плешь. Присел. Подумал: «Похмеляться после портвейна пивом – пошло!»

Поодаль померещился пьяненький Пегас. Попов просветлел. Подкатывало поэтическое прозрение.

Елена Евстигнеева

Елена Львовна Евстигнеева – коренная москвичка. Два высших образования в области педагогики (факультет социальной психологии МГПИ им. Ленина и дефектологический факультет МГУ).

Больше двадцати лет работы в сфере народного образования в дошкольных учреждениях Восточного округа г. Москвы.

С 1997 года имею публикации в журнальной и газетной периодике России. («Наша улица», «Студенческий меридиан», «Медицинский вестник», «Менклуб», «Пес и кот», в газетах «Флирт», «Нескучная газета», «Кайф по выходным», «Петровка 38» и др.); публиковалась также в различных литературных сборниках и альманахах («Созвучие», «Дыхание земли», «Антология современной русской поэзии», «Самые смешные рассказы и еще 50 самых остроумных писателей России», «Русский смех» и др.)

С 2007 года – член Союза литераторов России.

В 2008 году принята в ряды Союза писателей Москвы.

Автор книг «Ангел счастья», «Да, детка, да!», «Дамские штучки в хорошие ручки».

Шедевр

Ирина отложила кисть в сторону и залюбовалась результатом проделанной работы. Полотно получилось именно таким, каким она его задумала: тяжёлая крона изумрудными волнами спадала с узловатых ветвей старого дерева, а чистый бирюзовый цвет зарождающегося утра лишь подчеркивал мощь столетнего дуба. Мареновое пятно цветущих астр в нижнем левом углу

грамотно оттеняло скромные достоинства векового дерева. Именно так ей и хотелось творить в последнее время: никаких условностей, недоговоренности, все очень конкретно. Эту картину она назовет бесхитростно просто: «Дерево».

– Забирай и вези, только аккуратней! – крикнула она курьеру, который должен был доставить последнюю картину в открывающуюся назавтра галерею. Курьер, недолго думая, варварски сложил полотно пополам и, свернув его в трубочку, отправился по указанному адресу.

Чуть опоздав на открытие выставки, Ирина сразу направилась в зал со своим «Деревом». Слезы градом хлынули из ее глаз. Испорченная картина выглядела невнятной зеленой мазнёй, симметрично удвоенной нерадивым курьером. Слева висел пояснительный текст знакомого искусствоведа, который гласил:

«Формирование индивидуального стиля данного художника лучше всего проследить на примере последней работы автора с символичным названием «Дерево». В линиях, неоднократно очерчивающих ту или иную форму, угадываются традиции русского конструктивизма и европейского футуризма. Творческий метод этой художницы формировался постепенно по пути все большего усложнения композиции, смещения планов и многослойности изображения, что привело к созданию многоплановой композиции со сложно организованным, тектонически-активным внутренним пространством, эффектно сочетающимся с локальными цветовыми акцентами, многократно повторенными автором. Прием удвоения создает эффект зеркальности внутренней динамики пространства. Ирреальный, метафорический образ древа жизни, позволяет ценителям прекрасного пуститься в поиски собственного супер-эго, скрытого в душе каждого из нас. Стремление закольцевать время в сложном сплетении абстрактных форм ведёт к потрясающему по силе воздействия на зрителя эффекту разорвавшейся бомбы. Это безусловный шедевр современного искусства!».

Ирина безутешно прорыдала всю ночь, а на утро следующего дня узнала, что критики признали картину «Дерево» лучшим произведением года.

Во как!

У четы орлов родился первенец.

– Кто это? – спросил отец, оторопело разглядывая два аккуратных заячьих уха на голове птенца.

– Кто, кто? Дед Пихто! Совсем сдурил? Это же наш сын! – проворчала орлица, любовно поглаживая клювом серую шерстку новорожденного. Она блудливо отводила глаза в сторону, вниз, однако, старалась не смотреть.

У подножья скалы с орлиным гнездом на вершине, сидел заяц и с тоской глядел ввысь.

– Ну, чего ты все туда пялишься? В дом иди! Дети вон без тебя уснуть не могут, – позвала его зайчиха.

В норке, словно разобранный матрешка, мал мала меньше, лежали, прижавшись друг к другу, семеро зайчат. Нежным перламутровым цветом в лучах закатного солнца блестела их чешуя.

– Посиди с ними, а я к речке пойду, кислицы на ужин нарву, – попросила зайчиха мужа.

Описав красивую параболу в воздухе, в речную рябь плюхнулся полуторакилограммовый ерш, и тут же попал на колючки своей благоверной.

– Все резвишься, летаешь? Ты бы лучше о детях подумал, вон уже второй помет с крыльями заместо плавников!

Ершиха была не по годам мудрая и сообразительная, а ёрш женился на ней «по залету», потому что был глуп. По этой же печальной для ерша причине, он через несколько секунд схватил червя, насаженного на крючок опытной рукой Деда Пихто. Червяк плавно поводил усами и аппетитно перебирал лапками в воздухе, так что устоять глупому ершу было совершенно невозможно.

Дед Пихто ловко сделал подсечку и уложил рыбину в корзину. Вообще-то, он пошел по грибы, но день выдался неудачный: грибы орали, кусались и прямо на ходу выпрыгивали из корзины. А ёрш лежал тихо, как его и положили – рогами к северу.

– Совсем испортили экологию, – подумал Дед Пихто. Он шел с сильным креном влево, слегка приволакивая третью ногу.

– Не опоздать бы к вечерней дойке!

И правда, вымя у деда уже распирало от подошедшего молока, хвост ломило. По всему выходило – быть дождю...

Михаил Никитин

Краткая несерьёзная биография Михаила Никитина:

Михаил Николаевич Никитин, русский, родился в селе Никольско-Архангельское, со всех сторон окружённом известным кладбищем, в доме № 13 по улице Чёрная дорога. Окончил МАИ. Через полтора инженерных года был призван в армию для исполнения почётной (как тогда считалось) обязанности на два года. Но осел (через «е»). В итоге – ветеран военной службы. Печатался в «Огоньке», «Собеседнике», «Красной звезде», «Крокодиле», «Литературной газете», «Литературной России», «Аргументах и

фактах». И вообще, можно сказать, печатался всюду, где только печатали. Когда не печатали – вступил в «Чёртову дюжину». На этом на сегодняшний день биография кончается. Но искренне надеюсь, что продолжается.

Не на том лифте

Заговорили мы о неприятностях, связанных с пьянством.

– А меня с работы выгнали, потому что не на том лифте поехал... – заявляет мне собутыльник.

– Да ну? – скептически удивляюсь я.

– А вот, – говорит, – выпили мы с Петровичем. А время рабочее. Нам ещё на пятом этаже трубу заваривать надо. Я ему: «Пошли, Петрович, пешком. А то на лифте, не ровен час, нас заловят».

А Петрович: «Да что ж я, молодой, что ли, пешком на пятый этаж переть! Выпить ещё – могу! Варить – могу. А пешком на пятый этаж – никак не могу! Ты посмотри, какие пролёты здесь лошадиные!..»

– Ну, поехали тогда на грузовом, – говорю, – На нём не заловят. И лифтом тоже всё-таки называется.

А Петрович упёрся и ни в какую: «Ну, что я, тумбочка, что ли? Чтобы ехать на грузовом? Я сам, как есть, человек – и сварщиком у них тут работаю!»

В общем, поехали на людском, общечеловеческом лифте. И точно: на третьем этаже входит в него генеральный. Раз нюхнул – и сразу: «Как фамилии?» Ну, мы, как смогли, выговорили. А он: «Значит, оба в бухгалтерию за расчётом. С сегодняшнего дня вы уволены».

И ведь говорил же, что надо было ехать на грузовом! Так нет же – Петровичу захотелось на человеческом! А если бы не гордыня, так до сих пор мы там бы у них и работали!..

Евгений Обухов

Родился в 1954 году.

По образованию инженер, о чём давно забыл. Автор шести сборников весёлой прозы, трёх сборников стихов, сборника пьес, составитель либо участник более чем сорока коллективных сборников юмора.

Работал в районной газете, был редактором отдела журнала «Филателия СССР», спец. корреспондентом журнала «Крокодил», главным редактором журнала «Аншлаг» и четвёртым в истории Главным администратором «Клуба 12 стульев» (т.е. зав. отделом юмора) «Литературной газеты». В настоящее время – главный редактор журнала для коллекционеров «Филателия».

Лауреат премий «Золотой телёнок» «Литературной газеты», а также «Московского комсомольца», «Крокодила» и др.

Как уже известно из ранних автобиографий, – был, состоял, участвовал, но не очень...

Взгляды

Отчего-то бытует мнение, что к старости человек внешне грубеет и покрывается морщинами, похожими на непроходимые горные хребты, какими те выглядят из иллюминатора самолёта.

Фигня полная! Какая ещё телесная грубость, какая ещё кожная шершавость?! Я вот, чем старше становлюсь, тем, наоборот, всё больше делаюсь гладеньким, скользеньким, отполированненьким. Почему так считаю? А вот слушайте.

В детстве – да, был весь в зазубринах, крючьях, петлях. Ну, словно репей вовсе! Судите сами: ведь ни один взгляд с меня, зацепившись, не соскальзывал. Даже если не хотели смотреть, даже мимолётно поведя взором... Ап, и уже застряли, попались! Любые тётеньки, любые бабушки – взглядов оторвать не могли. Сюсюкали, тютюкали, тянули ко мне ручки и губки...

Или в разной там моей ранней и не очень ранней молодости... Сколько раз замечал – иная дамочка борется с собой, допуская лишь прикоснуться ко мне взглядом. Да где там, разок моргнула, и уже как муха в паутине – вмиг заарканится, запутается, всё строит и строит глазки... И вот уже я тяну к ней ручки и губки...

Сегодня же, размышляя на ходу о возможных выгодах сильно зрелого возраста, я при входе в магазин разминулся с одной прелестницей. Она скользнула по мне взглядом, будто ножом по маслу провела. И осознал я собственную старческую полированность, зеркальность, беззащитность... Стал я таким гладким, что женские взгляды с меня катастрофически надёжно соскальзывают!

А я поглядел прелестнице вслед – лайкрой обтянута, колготочками затянута, кожаными сапогами подчёркнута. Ну, то есть, такая вся тугая, округлая и плавная, что взгляд сразу за эти острые глубокие зазубрины цепляется и до крови, словно в зарослях малины, застревают...

Эх! Пора, видно, мне начинать бороться с гладкостью моей. Ведь есть же вещи, которые мужчинам в возрасте придают сильную, манящую и не отпускающую женский взгляд шершавость. Ключи, например, от «даймлера-крайслера», просматривающиеся в барсетке, или бумажник, бугрящийся в кармане...

Пора, что ли, попробовать?.. Или как, на ваш-то взгляд?..

Некоторые

Я его лично не знаю и никогда с ним не общаюсь, у него странное имя: «Некоторые». Он так умело прячется в закоулках нашей небольшой квартиры, что я с ним нигде не сталкиваюсь. Но его присутствие чувствую постоянно. Да, собственно, и жена то и дело о нём напоминает.

– А вот Некоторые, – говорит она про него столь уважительно, что я и далее не предвижу ничего приятного, – Некоторые, – повторяет она с обличительной интонацией, – не ждут, пока у жены от просьб мозоль на языке будет, и сами вызывают обмерщика, чтобы заказать шкаф-купе!

Мне с ним не тягаться – я-то уже второй месяц обещаю вызвать, а Некоторые вновь впереди меня. Если у жены лишь собирается заболеть голова, он заранее выключает телевизор, пусть даже и во время трансляции футбола; он сам без напоминаний выносит мусор и не разбрасывает по квартире эти чёртовы носки; он радостно моет посуду и с возгласами счастья пылесосит пол, ковры и все диваны, с одеялами и подушками впридачу. И вот за такими невероятно трудоёмкими делами эта сволочь ещё иногда думает о сексе – но только именно в те несколько редких дней года, когда о том же и так же думает жена. Но вдобавок он ещё и вкалывает как лошадь!

– А вот Некоторые, – раздражённо сообщает мне моя благоверная, – Некоторые своих жён очень-очень любят, и чтобы купить норковое чудо, работают на второй работе – сторожат или крыши кроют, и вообще приносят много денег, чтобы жена не чувствовала себя последней нищей оборванкой!

Впрочем, я в какой-то мере могу понять её раздражение – разве приятно, что в доме присутствует другая женщина, да ещё такая вульгарная и распутная, какой её воспринимает моя супруга! Она с ней никак никогда лично не встречается, но я-то рассказываю. Зовут эту женщину Кое-кто.

– А вот Кое-кто, – мечтательно говорю я, – Кое-кто ходит по дому всегда в прозрачной блузке и короткой юбке, в чулках и туфлях на каблук!

– Дома?! На высоком каблуке?!

– Да, Кое-кому важно, чтобы мужу было приятно! А ещё Кое-кто свои маски и процедуры делает в ванной, чтобы муж не пугался и не терял влечение, а к нему выходит в макияже и причёсанной!

– Ага, может Кое-кто и сидит перед зеркалом в ванной, но Некоторые для этого обеспечили нормальную квартиру и большую ванную комнату!

– Обеспечили, потому что Кое-кто их не пилит, когда те занимаются наукой, чтоб сделать карьеру. Пусть это временно и не приносит денег!

– Если Кое-кто и не пилит, так, наверное, потому, что Некоторые дали уверенность в себе, как в добытчике, и за ними как за каменной стеной!..

...Да что там рассуждать – постоянно они встречаются в нашу семью, эти Некоторые и Кое-кто. И нам с женой было бы чрезвычайно трудно продолжать существовать под одной крышей, если бы нам не помогали наши верные друзья! Зовут их Вотсчаскмамеуеду и Пойдугваражпюпяива. Не самые, конечно, лучшие друзья на свете. Но других у нас с женой пока нет.

Наталья Хозяинова

Я, Наталья Хозяинова, родилась в Москве во второй половине двадцатого века. Чуть позже получила образование на физфаке МГУ и приступила к работе в одном из институтов РАН. Меня всё радует в своей жизни: семья, дети, семьи детей и их дети. Печалит только, что в Праге я была лишь однажды. А вообще, я известна как автор цикла однострочий «Мины фемины», состою в Клубе юмористов «Чёртова Дюжина» и в СП Москвы, автор четырёх книг. Меня удачно характеризует моё однострочие: «Я так скромна, что это надо видеть...»

Исключительный мужчина

К двадцати восьми годам мужчины Олю разочаровали. Хотя мечтала она не о принце, а просто о хорошем человеке, ну таком, как какой-нибудь из актёров Мироновых, например. И как раз внешность не главное. Но все новые знакомые вблизи оказывались не лучше прежних. Обыкновенные какие-то.

Игорек же её удивил. Почти полгода Оля не сомневалась: этот чем-то похож и на Андрея, и на Евгения одновременно...

Такой всегда некурящий, в дверях Олю вперёд пропускает, целует исключительно ручку, а галстук его то с пиджаком, то с ботинками цветом переключается, и взгляд прямой, открытый...

Да, главное, Игорь никогда не обманывал!

Сказал: лечу в Сочи, скоро вернусь с гостинцем. И вскоре появился с гроздью винограда.

Предупредил: приду с твоими родителями знакомиться в субботу в половину третьего, – и в 14.30 стоял у порога.

Пообещал: обязательно женюсь. И женился!

– Вот, Оля, это Наталья Павловна, моя жена.

Кому что

О, несправедливость мира! Ну почему одним – всё, а другим, которые насколько не хуже, – совершенно наоборот?

Вот почему Принцев высокий и поджарый, а Нищев – долговязый и худой?

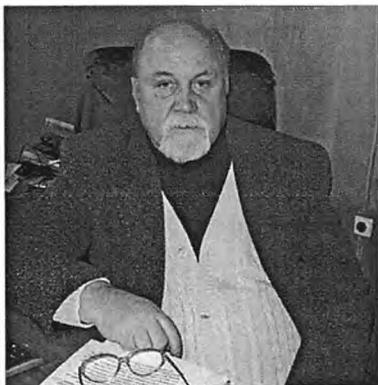
Со стороны, так оба мужики не ленивые, серьёзные, вредных привычек по две-три, не больше. Но почему-то у Нищева жена всегда деньги отбирает буквально до рубля. А у Принцева – ну никогда, он их своими руками в условленное место кладёт. У обоих есть какая-никакая недвижимость, но опять же у Принцева – в пятиэтажке, хоть и смежная, хоть и малогабаритная, но трёхкомнатная квартирка, а у Нищева – пусть и три комнаты, так ведь распашонка в хрущобе!

И, конечно, у обоих свои претензии к женщине, которую не выбирают. То есть к теще.

Тёща Принцева – чисто сокровище, щебечет и щебечет, улыбка с лица не сходит. Едва зять придёт, накормить его норовит, лучшие куски подкладывает. А чтобы попросить, чем помочь, – так никогда. Всё сама! Ей даже заменить лампочку в люстре ничего не стоит.

У Нищева же тёща – чудовище. Рот до ушей, от болтовни не закрывается. Зять за столом пичкает и пичкает, что-то подсовывает. А гонористая! Нет бы попросить, так пыхтит, на стремянку лезет – без тебя, мол, обойдусь...

Но самое противное знаете, что? То, что Принцев и Нищев женаты на родных сёстрах.

Валерий Иванов-Таганский

(Россия)

*Валерий Александрович Иванов-Таганский,
Заместитель Председателя МГО Союза Писателей России. Секретарь Союза писателей России. Вице-президент Петровской академии науки и искусств. Академик Академии Российской словесности. Заслуженный артист России.*

Дело Алексея Ивановича

(рассказ) – окончание

Около семи утра Алексей Иванович был уже на ногах. Решительным шагом он направился в номер директора и разбудил его. Спросонья и явно с похмелья Георгий долго не мог врубиться. Был он длинноволосым, высоким, еще молодым, но с приличным животом, который, как волна, катался поверх его белых шорт. Вообще, он всегда одевался во все белое. Днем, во время обхода своих владений, Георгий походил на падишаха, окруженного многочисленными подданными. К людям относился свысока. Однако если кого-то брал на работу – всегда защищал. Страстный рассказ Алексея Ивановича о ночном происшествии не произвел на Георгия впечатления. Он решительно не поверил, что вором может быть садовник.

– Я его подобрал безработным, дал комнату, решил – пусть поливает цветы, – объяснил он появление у него садовника. Однако под напором аргументов гостя, Георгий согласился разобраться. Оба направились к небольшому бару, работающему с утра.

Вдруг директор спросил:

– А чтобы ты сделал на моем месте?

Алексей Иванович огляделся по сторонам, почему-то посмотрел на часы и надолго задумался. О полиции никто из них даже не вспомнил.

Оба понимали, что такое обращение ничего не даст.

В маленьком баре хлопотала только что пришедшая на работу буфетчица. Вдалеке у ворот мелькала спина сторожа-пенсионера, который от своей коморки у ворот далеко не отходил.

– Георгий, поручи кому-нибудь следить за садовником, – вдруг вырвалось у Алексея Ивановича, когда они устроились за столиком.

– У него где-то рядом есть схрон, где он бывает вечером, берет там деньги и допоздна просиживает в баре напротив дороги. Два дня назад мой брат видел его поддатым. Он возвращался оттуда поздно вечером.

– Мыслишь так? – криво усмехаясь, отозвался Георгий и полез за мобильным.

Он приказал заместителю отправиться в комнату садовника и под удобным предлогом увезти того, чтобы сделать обыск.

– Алеша, – обратился он тихо, даже по-свойски, – ты не знаешь болгар. Теща моя говорит: «Болгары народ подлый, злой, всегда нож в спину вставят». – А болгарское жулье, они, как цыгане. Поэтому деньги давно пропиты или проиграны в карты, – категорически заявил Георгий.

А ты разве не болгарин? – вдруг дошло до Алексея Ивановича.

– Нет, я – помак! Как говорят русские – гремучая смесь.

– А Асен, тоже гремучая смесь? – спросил Алексей Иванович.

– И он тоже. Все начальство здесь помаки. А вот садовник – болгарин, его зовут Иван. Несколько секунд он помолчал и добавил:

– В этом деле надо действовать жестко. Он снова выругался на каком-то диалекте, стиснул свои толстые пальцы в кулаки и глаза его стали злыми и страшными. Только сейчас до Алексея Ивановича дошло, какой оборот принимает дело.

– Будут выбивать показания кулаками, – мелькнуло у него в голове.

– Ты твердо уверен, что это «той»? – с болгарским окончанием еще раз спросил директор. Алексей Иванович сделал короткую паузу, перед его глазами вновь пролетела ночная сцена, и он уже менее охотно подтвердил, что уверен. Вскоре садовника послали «по задачам», а Алексей Иванович вместе с замдиректора пошли обыскивать комнату.

Деньги и серую куртку в комнате садовника не нашли. Но на большой двуспальной кровати, поперек, словно доказательство невинности, лежала не серая, а белая куртка с капюшоном.

– Это он для меня оставил белую куртку, – обрадовался Алексей Иванович, – смотри мол, нет у меня серой куртки, которая была на мне ночью.

– Ну что ж, голубчик, это еще одно доказательство, – окончательно решил Алексей Иванович.

Вскоре они вернулись на место, где восседал директор. Он уже пил кофе и беседовал с сестрой – бухгалтером Дома журналистов. Руководство стало совещаться, а Алексей Иванович молча слушал. Предложение о

слежке за садовником сразу отпало. За слежку надо было платить, поэтому денег стало жалко. Асен – тот самый замдиректора, который ходил с Алексеем Ивановичем на обыск, седой, но крепкий мужик с огромными бицепсами и кулаками на хорошем русском объяснил, что посадит садовника в подвал в огромный холодильник.

– Товарищ мороз быстро развяжет язык. Такую экзекуцию он не выдержит, – с гордостью возвестил Асен. Когда консенсус был найден, Асен вместе с еще одним бугаем, сантехником, пошли за садовником.

Вскоре Алексей Иванович увидел, как эти двое повели под руки, трепещущего как рыбка садовника, в подвал.

Садовник шел обреченно, словно на казнь. Минут через десять вернулся Асен. Он был возбужден, ругался, кулаки его кровоточили.

– Не признается! Мы его связали и заперли в холодильнике. Алексей Иванович напрягся и почувствовал, что потеет.

– Ты его бил? – хрипло спросил он Асена.

– Еще как! Он опять выругался и языком стал заливывать сбитую руку. Прошло еще минут пятнадцать. Алексею Ивановичу, это время показалось вечностью.

– Что за мир такой? – думал он. – Все не по правилам! Никакой справедливости! Кто сильнее, тот и колотит. А Господь все терпит и молчит... Но вдруг он вспомнил о пропавших деньгах, о наглой попытке ограбить его и гнев снова наступил на его сердце. Минут через пять он, наконец, не выдержал и, показав на часы, сердито сказал:

– Может быть хватит? Человек может заболеть или не приведи господи...

Он не договорил, и сурово взглянул на директора.

– Не волнуйся, ты за это отвечать не будешь, – осклабился Асен. – Пусть еще померзнет. Но директор кивнул головой и Асен нехотя пошел в подвал. Через минуту он вернулся и сообщил, что садовник трясется от холода, но не сдается.

– Пойдемте к нему, – решительно сказал директор. – Сейчас мы ему покажем Сталинград. Сделаем очную ставку с Паулюсом.

Когда открыли холодильник, Алексея Ивановича взяла оторопь. Он не узнал садовника. Лицо превратилось в кровавое месиво. Только горели упрямые глаза, на которые сосульками нависли рыжеватые пряди волос.

Асен вытолкал садовника на площадку. Руки у того были связаны электрическим шнуром.

– Это он? – спросил Асен Алексея Ивановича.

Алексей Иванович подошел ближе. Узнать это существо не было возможности. Тогда он повернул голову садовника в профиль и взглянул еще раз.

От резкого поворота длинная прядь переместилась на ухо задержанного,

и Алексею Ивановичу почудилось, что именно этот профиль он видел там, на балконе. Оставалось последнее: он вспомнил, что питерский педагог говорила, что рука у преступника была, как у юноши. Он прикоснулся к руке. Она была именно такой, легкой, почти безвоздушной.

– Это он! – внезапно крикнул Алексей Иванович. Он! Я его узнал! Он стал тыкать пальцем в сторону садовника и неистово повторять:

– Он! Он! Он!

– Лыжишь! – в ответ вопил садовник. Грешка!

– А где твоя серая куртка? Куда ты ее спрятал?

– Няма серой куртки, есть белая.

– Врешь, – в ответ кричал Алексей Иванович, – я видел в ней тебя в саду и на балконе! Спрятал! Спрятал главное доказательство!

Неожиданно вперед вырвался Асен и, схватив садовника за горло, начал душить его:

– Где деньги? – сквозь стиснутые зубы повторял он одно и то же. Но тут уже вмешался директор. Он вырвал садовника из лап своего заместителя и, толкнув в холодильник, крикнул:

– Тебе конец, Иван! Сейчас я вызову полицию и тебя посадят на семь лет. У тебя полчаса времени. Если признаешься и вернешь деньги, я тебя отпущу, и все останется между нами. Если нет, тебе конец! Он показал пальцами клетку и с силой захлопнул холодильник. Сплюнув на пол, он подошел к выключателю и отключил холодильник. По дороге к бару директор, глядя на Алексея Ивановича, спросил:

– Алеша, ты не ошибаешься? Это он?

– Он! Даже про куртку он соврал. Она была у него. Он в ней работал в саду.

– Я не об этом, ты узнал его?

Алексей Иванович замолчал, потому что в этом избитом до полусмерти человеке, узнать садовника было невозможно.

Он вдруг почувствовал, что всё идет не так! Разоблачение вора ничего не принесло. Появилось что-то другое – боль и сомнение.

– Проклятые деньги! Чтоб они сдохли! – с яростью подумал Алексей Иванович.

– И героического ничего не получилось. Наоборот – одни нервы! – заключил он.

Рубашка на нем промокла, и он уже сожалел, что не настоял, чтобы за садовником следили.

– Мог бы и сам заплатить – не обеднел бы! – ругал он себя в сердцах.

Вызванная полиция заявила, что доказательств о том, что подозреваемый лез на балкон Алексея Ивановича, нет. А поскольку у «пострадавшего» ничего не пропало, то «блюстители порядка» предложили садовника отпустить. А по

секрету посоветовали директору, чтобы не дать ход рукоприкладству, садовника уволить и на этом исчерпать инцидент. Так и сделали. В течение получаса садовника, действительно, освободили от работы, и он с разбитым лицом, но в белой рубашке гордо прошел мимо, волоча по асфальту небольшой чемодан на колесиках.

Уже на следующий день начались странные вещи. Во-первых, Алексей Иванович никогда так плохо не спал. Всю ночь окровавленное лицо садовника нависало над ним, и что-то шептало на непонятном языке.

– Перенервничал! – решил он. – Ничего страшного, на мне как на собаке все заживает.

Утром, чтобы взбодриться он пошел с братом купаться. Неожиданно на повороте мимо него промчалась какая-то красная машина, и чуть было не сбила его. А вечером они вчетвером пошли отпраздновать день рождения брата, и все это время Алексея Ивановича не покидало чувство, что за ними кто-то следит.

Всю оставшуюся неделю отдыха на море, он так и не смог нормально выспаться.

Наконец настало время возвращаться домой.

Приехав в Москву, он первым делом пошел к врачу. Врач невропатолог районной поликлиники оказался вполне вменяемым доктором. На жалобы Алексея Ивановича на бессонницу и плохое состояние, врач, узнав, что его пациент кандидат педагогических наук, принялся все объяснять философски:

– Бедные наши классики считали, что русский человек через 200 лет станет существенно лучше, но два века прошли и мы видим, что сложное становится более элементарным, тонкое – грубым, интеллектуальное – массовым. Затем, проверив давление, и, постучав молоточком по всем суставам, врач заключил:

– Предупреждаю, мы, врачи, видим лишь то, что нам позволено Создателем. Первое: в мире появилась нервность. Прямо скажу, что иногда, кажется, что мы находимся в психиатрической больнице. Отчего это состояние? Мы наполняем страшной ложью, причем ложью чрезвычайно глупой, ложью собственной конструкции. Надо запрещать себе врать и прелюбодействовать – эти два фактора больше всего разрушают человека. Вот почему масса людей в наш век живет в пограничной ситуации и нередко не отвечают за свои поступки.

– И что же нас ждет, если все так трагично в нашем веке? – с надежной спросил Алексей Иванович.

– Наш век либо будет веком гуманитарности, либо его вообще не будет.

– Но мне хочется жить, не смотря в какую сторону подует ветер, – робко возразил Алексей Иванович.

– И будете! Вот я вам выпиываю лекарства. Это для укрепления нервной системы, а это – «Зопиклон – Никомед» – легкое снотворное, которое обла- дает мягким снотворным эффектом.

Алексей Иванович, поблагодарил врача, не пропустил мимо ушей постулат о «лжи собственной конструкции, и тотчас на первом этаже поликлиники купил выписанные лекарства и с наступившей недели начал усердно лечиться.

Но вскоре он почувствовал, что выписанные лекарства не помогают.

Сон не приходил, а состояние стало настолько ухудшаться, что он взял недельный отгул в школе, чем привел свою терпеливую жену в полное недоумение.

Ни сын, ни жена никогда подобного за ним не наблюдали, поэтому не на шутку встревожились. Обоим пришла идея обратиться к народной медицине. Пригласили на дом знакомого врача и по совместительству экстрасенса. Седовласый красивый мужчина лет шестидесяти, довольно долго манипулировал вокруг Алексея Ивановича руками и медоточивым, поставленным голосом наставлял, что лучший врач – сам больной и что он обязан бороться с недугами усилиями собственной воли. Затем он выписал набор успокоительных травок и посоветовал больше на ночь читать. Читать пока станут липнуть глаза. Денег он не взял, поэтому впечатление оставил самое наилучшее.

Действительно, чтение начало отвлекать Алексея Ивановича, но ночные кошмары не прекращались. Книги он выбирал занимательные, но чаще – детективы. Чем больше Алексей Иванович читал, тем меньше спал. В привычку вошло по всяким пустякам ссориться с женой и сыном, и вскоре совместное проживание в доме, превратилась в психозэпидемию. От запойного чтения у него испортилось зрение – ему не хватало света. Сообразив, что ночная лампа находится далеко, он однажды вечером удлинил шнур и перенес розетку поближе. Работая с электропроводом, он воспользовался тем ножом, который когда-то купил в Болгарии. Бросив нож рядом и, устроив лампу поближе, он принялся читать очередной детектив. Когда глаза стали липнуть, Алексей Иванович выпил две таблетки снотворного и крепко заснул. В середине ночи ему снова приснился садовник. На это раз он забрался через окно сына, прошел на кухню и, взяв сумку жены, где находилась большая сумма общественных денег, пошел в ванную комнату.

Злость и ярость охватили его. Он мгновенно сжался в комок, и попытался встать. Но его словно придавило плитой. Он отчаянно приказывал себе подняться, а сил никаких не было.

Наконец, сделав неимоверное усилие, Алексей Иванович в каком-то кошмаре яви и сна поднялся, нечаянно схватил попавший под руку нож и бросился в ванную комнату. Там, действительно, спиной к нему стоял человек и при звуке открываемой двери, незнакомец плотнее прикрыл голову капюшоном. Этого движения было достаточно. Алексей Иванович с криком: «Попался!» – бросился к вору и со спины всадил нож. Нож прошел до конца. Ни крика, ни стона не прозвучало. Он подхватил падающего человека и только тут узнал собственную жену. Наташа, как всегда допоздна смотрела

телевизор, потом направилась в душ и после купания накинула на себя новый халат с капюшоном, который купила в Болгарии. Кровь стала заливать халат, кафель и руки Алексея Ивановича. Лицо жены сразу изменилось, стало бледнеть, нос заострился, а выражение сделалось испуганным и обиженным. Потеряв рассудок, Алексей Иванович вместо того, чтобы вызвать скорую помощь, закричал что-то сыну, набросил плащ и, сломя голову помчался в неподалеку находящуюся полицию, где, спустя час, ему вызвали скорую, а потом посадили в камеру предварительного следствия.

Вскоре началось дознание и, наконец, суд.

Сейчас, выслушав приговор, Алексей Иванович отчаянно пытался разглядеть в лицах судей что-то обнадеживающее, недоговоренное...

Ему хотелось услышать главное: «не смотря на все случившееся, подсудимый Алексей Иванович Колокольников не замышлял убийства, и всё, что произошло с ним – случайность! А виновен во всем садовник, который в далекой Болгарии, в серой куртке с капюшоном забрался на балкон его номера и попытался его обокрасть». Но никто ничего подобного ему не сказал, глаза его налились слезами, и он с горечью и обидой отвернулся от судей. Когда Алексею Ивановичу надевали наручники, он последний раз посмотрел в зал.

И вдруг, что-то пронзило его словно молнией. В самом конце зала он увидел мужчину, который с надменной улыбкой, свинцовыми глазами смотрел на него и издалека грозил пальцем! Он не поверил своим глазам, это был человек, как две капли воды похожий на садовника! На нем была та же самая куртка с капюшоном, которая при мерцающем, торжественном, свете в зале казалось красной, как мантия палача.

Владислав Кураш
(Украина)

Русская рулетка (окончание)

Строительство Одесского порта было начато в 1794-ом году. По распоряжению Екатерины II строительством руководил Иосиф Дерибас. За первые два года построили набережную протяжённостью 850 погонных сажений, к набережной пристроили две пристани: Адмиралтейскую, для военных судов, и Купеческую, для торговых, начали строительство карантинного и Платоновского молов.

Порт расстраивался и разрастался на глазах. Друг за другом появлялись новые молы: Военный, Андросовский, Потаповский, Новый, Рейдовый, Нефтяной. Новые набережные: Бакалейная, Новая, Каботажная, Арбузная. Строились причалы, маяки, волноломы, эллинги и мастерские для ремонта судов, плавучие доки, склады для экспортного сахара-песка, транзитного леса и угля, зерноперерабатывающие комплексы, пакгаузы. Образовывались новые гавани: Карантинная, Новая, Каботажная, Практическая, Нефтяная.

В Одесский порт стали заходить паровые и парусные суда, буксирные пароходы, баржи и блокшивы, товарные, пассажирские, каботажные, под русским, английским, австрийским, итальянским, норвежским, датским, греческим, французским, германским, голландским, турецким и испанским флагами.

В порту появились и свои суда. Начало поддерживаться сообщение по линиям александрийской прямой и александрийской круговой, по черноморско-болгарской линии, по балтийской большой каботажной линии, с портами низовий рек Днепра и Буга, портами Чёрного и Азовского морей, с дунайскими пристанями, с Аккерманом, Мариуполем, Батумом и дальневосточными портами.

К 1856-ому году Одесский порт стал крупнейшим портом Черноморско-Азовского бассейна и центром торговли Северного Причерноморья. По объёму товарооборота и грузооборота он уступал лишь Петербургскому порту.

Через него проходили зерновые продукты, пшеница, хлеб, мука, сахар-рафинад, семена льна, конопля, рапса, мака и других сельскохозяйственных культур, рыба солёная, маринованная и копчёная, шерсть, железо всех сортов, железные изделия, бумажные ткани, оружие, бельё, платья и другие вещи, чугунные изделия, табак в листах и крошенный, спирт, дерево, сукно, вино, водка, пиво, мясо, масло, маргарин, кожевенные изделия, сало, мыло, свечи, керосин, мишура, писчая бумага, скот, овцы, птица, сыр, икра, рыбий жир, канаты, лес, клей, серебряные изделия, хлопок-сырец, оливковое масло, фрукты, чай, сельскохозяйственные машины и различные аппараты, каменный уголь, дубильные вещества, орехи, пряности, нефть.

В 1905-ом году в Одесском порту построили первую электростанцию, провели электрическое освещение в гаванях и по всей портовой территории, установили сигнальные огни на молах и волноломах, проложили водопровод, построили эстакаду Юго-Западных железных дорог с четырьмя конвейерами, желобами и трубами для выгрузки зерна и угля, закупили и установили на причалах подвижные паровые краны.

Одесский порт круглый год, зимой, весной, летом и осенью был переполнен судами. В грязно-мутной зелёной неподвижной воде гаваней среди плавающего мусора стояли торговые заграничные суда, тёмно-ржавые гигантские броненосцы, анатолийские кочермы и трапезондские фелюги, бригантины, дубки, шхуны, яхты, колёсные пароходы, вокруг которых вся вода была покрыта сажой, почтовые и пассажирские суда.

Каждый день с утра до вечера по колеблющимся сходням грузчики, среди которых были и загорелые хохлы, и русские с раздутыми от пьянства лицами, и смуглые турки в широких шароварах, и коренастые мускулистые персы, тащили на спинах тюки товаров и сваливали их в пакаузы и трюмы кораблей.

По четырёхкилометровой железнодорожной эстакаде, протянувшейся через весь порт от Пересыпи до оголовка Карантинного мола, в пыли и дыму, беспрерывно бегали небольшие паровозики с пузатыми вагончиками, у которых были конусообразные, для удобства разгрузки, днища. Зерно, уголь, цемент и другие сыпучие грузы из вагонов под действием собственного веса по специальным трубам и желобам загружались в трюмы пароходов.

По ночам портовые гавани и весь Одесский залив кишели лодками контрабандистов, доставлявших в город запрещённые товары, баркасами и шаландами рыбаков, привозивших на продажу камсу, макрель, камбалу, кефаль и устриц.

От порта к городу вели узкие, крутые, извилистые, грязные, зловонные, чёрные от угольной пыли улицы, где на каждом шагу попадались ночлежные дома, лавки и каморки, пивные, таверны, кухмистерские и трактиры, публичные дома, греческие и турецкие кофейни, восточные кабачки и игорные притоны.

На одной из таких улиц в ночлежном доме мадам Стриженко осенним холодным утром был найден Макс Фрайман с простреленной грудью. Рядом, в луже крови, валялся револьвер с одной единственной гильзой в барабане. В кармане его сюртука была предсмертная записка, в которой Макс просил никого не винить в его смерти, объясняя своё самоубийство разочарованием в жизни и в людях.

А ещё в кармане была духовная, как потом оказалось, составленная заблаговременно при свидетелях в нескольких экземплярах, один из которых хранился в адвокатской конторе господина Е.С. Бергиндзона, остальные у душеприказчиков, господ Н.Е. Петрухина и Э.П. Коровинского.

Согласно духовной всё своё реализуемое имущество, полный перечень которого имелся у поверенного Ефима Семёновича Бергиндзона, Макс завещал господину М.Я. Тоффелю.

К сведению, Михаил Яковлевич Тоффель был весьма известной и уважаемой личностью в Одессе. Купец I-ой гильдии и коммерческий советник генерал-губернатора, нетитулованный дворянин, гласный городской думы, депутат от дворянства в комитете по рассмотрению смет доходов и расходов города, член статистического комитета, занимавшегося экономическими проблемами края и строительством железных дорог, кавалер ордена святой Анны I-ой степени «за примерные труды» и благотворительную деятельность, кроме всего прочего владелец акций Азовско-Донского банка и Юго-Восточного пароходства «Звезда», трёх дорогих магазинов в центре города, судоремонтного завода на Пересыпи, складов и пакгаузов возле Карантинной гавани, нескольких пассажирских и грузовых пароходов. Его годовой доход достигал четырёх сот тысяч рублей. Он был одним из самых богатых людей Одессы.

По факту самоубийства Макса Фраймана следственным отделом сысского управления было открыто уголовное дело. В ходе расследования всплыл ряд прелюбопытнейших обстоятельств. Оказалось, что Макс Фрайман и М.Я. Тоффель никогда не были знакомы, и не состояли ни в родственных, ни в дружеских, ни в деловых отношениях. Зато с Филиппом М.Я. Тоффеля связывала не только крепкая дружба, но и родство. Они были кузенами по материнской линии и кроме того потомками знаменитого польского поэта, чем оба очень гордились. Касательно всех этих обстоятельств и тот, и другой отказались давать показания и отвечать на вопросы следователей, чем вызвали немалое подозрение.

Было и ещё одно прелюбопытнейшее обстоятельство, которое тоже наводило на недвусмысленные подозрения и полностью опровергало первоначальную версию самоубийства. Во время хирургического вскрытия из тела самоубийцы была извлечена револьверная пуля 45-го калибра, в то время как в луже крови на месте преступления был обнаружен револьвер 38-го калибра.

И неизвестно, в какую сторону повернуло бы следствие, если бы не одно маленькое «но». Да, пуля не того калибра была весомой уликой, но это было единственное вещественное доказательство, свидетельствовавшее о насильственной смерти. Больше у следствия не было ничего: ни улик, ни доказательств, ни свидетелей.

Таким образом, ввиду недостаточности улик и доказательств дело было приостановлено и со временем закрыто. А Макса заклеямили клеймом самоубийцы и без отпевания похоронили на пустыре за городом, где хоронили всех самоубийц.

После этого началось судебное разбирательство касательно наследования его имущества, коего было ни много, ни мало в ценных бумагах, денежных вкладах, движимом и недвижимом имуществе на сумму более двух миллионов рублей. Макс оставил после себя приличное состояние.

Судебное разбирательство затянулось надолго. В конечном итоге духовная, найденная в кармане у Макса, была признана судом действительной, иски родственников были отклонены, а М.Я. Тоффель – объявлен единственным законным наследником всего его имущества.

После этой истории наша дружба с Филиппом как-то расстроилась, мы перестали встречаться и вместе проводить время. Смерть Макса произвела на меня удручающее впечатление. Я сильно переживал и никого не хотел видеть. О Филиппе я ровным счётом ничего не знал, хотя мы и жили по соседству. Об Ирине я знал лишь только то, что ей пришлось оставить дачу в Отраде новому законному владельцу. Куда она перебралась, я не знал, да и признаться честно, особо не интересовался. Мы с Аэлитой вели уединённый образ жизни и ни с кем из наших прежних знакомых не поддерживали отношений.

Спустя несколько месяцев я всё же решил заглянуть к Филиппу, проведать старого приятеля, поинтересоваться, как он поживает. Прогуливаясь как-то зимним вечером по Дерibasовской, я нарочно свернул на Греческую площадь и направился к нему домой. Каково же было моё удивление, когда дверь мне открыла Ирина. Она была в ночном чепце и домашнем халате, из-под которого выглядывал кружевной пеньюар.

Филипп очень рад был меня видеть, он пригласил меня войти и по случаю нашей встречи откупорил бутылку кальвадоса. За бокалом яблочного бренди он рассказал мне, что Ирина живёт теперь с ним, что после смерти Макса он приютил её у себя и почёл долгом чести позаботиться о девушке погибшего друга. Всё это для меня было огромнейшей неожиданностью. Но я не спешил делать преждевременных выводов и осуждать Филиппа и Ирину. Они же не считали своё поведение безнравственным или аморальным и не боялись общественного мнения.

Следующая наша встреча с Филиппом была в казино «Ришелье» за зелёным сукном игрового стола в Американскую рулетку. Филиппу очень везло. За весь вечер он не проиграл ни копейки и ушёл из казино с полными карманами денег.

После этого мы стали встречаться с ним всё чаще и чаще. Везде, где бы он ни появлялся, он был с Ирины и вёл себя, как и раньше, очень самоуверенно и независимо. Мы снова начали проводить много времени вместе, и наша дружба незаметно возобновилась.

Аэлите Филипп по-прежнему не нравился. И не нравилась ей наша дружба. Ей вообще не нравилось всё, что было связано с Филиппом. И Ирины, после того, как переехала к Филиппу, ей тоже перестала нравиться.

Я не хотел заострять отношения с Аэлитой, и поэтому старался не обращать внимания на её капризы. Хотя она из-за этого очень злилась. Почему-то я был уверен, что со временем всё само собой решится. Как ни странно, но так и произошло. В один прекрасный день Аэлита бросила меня.

«Бегущая» по волнам

«Бегущая» стояла у 9-го причала Платоновского мола в Карантинной гавани. Это была парусно-моторная трёхмачтовая красавица-шхуна с гафельным вооружением. Она вошла в порт до начала первых холодов с грузом африканского чая «ройбос» на борту и простояла там всю зиму.

На своём недолгом веку «Бегущая» успела сменить нескольких владельцев и побывать во многих уголках света. Пять раз пересекала Атлантический океан, три раза – Индийский, совершала рейсы к берегам Норвегии, Исландии и Гренландии, плавала в южной и средней частях Тихого океана, австрало-азиатских морях, Беринговом и Охотском, Средиземном, Карибском, Красном и Чёрном, Балтийском, Северном, Норвежском, Гренландском, Баренцевом и Белом морях.

Последним владельцем «Бегущей» был некто Алекс Куперман, человек, которого никто никогда не видел и о котором никто ничего не знал, даже сам капитан шхуны.

«Бегущая» была построена в Финляндии на верфи Лайватоеллисуус в портовом городе Турку по образцу знаменитых финских зверобойных шхун и предназначалась для охоты на тюленей и моржей за полярным кругом.

Набор корпуса шхуны (шпангоуты, бимсы, стрингеры) был сделан из дуба. Форштевень, киль и ахтерштевень – из железного дерева. Палуба и многослойная полуметровая обшивка шхуны – из рудовой корабельной сосны, мачты и рангоут – из мяндовой корабельной сосны. Носовая часть судна была обита броневым листом, а вся подводная часть – листами бронзы. Это служило защитой во время плаваний среди льдов.

Первое время после спуска на воду «Бегущая» использовалась для промысловой охоты. С экипажем из двенадцати человек и несколькими десятками зверобоев на борту она уходила в многомесячные экспедиции к Северному Полюсу. Пока зверобои охотились на моржей и тюленей, шхуна зимовала в полярных льдах и возвращалась домой только лишь с наступлением весны, когда Арктика выпускала её из своих ледяных оков.

На «Бегущей» был установлен дизельный двигатель фирмы «Бокау-Вольф», позволявший шхуне набирать скорость до восьми узлов. Парусное вооружение судна состояло из трёх кливеров, стакселя, прямого брифока, трапцевидных фока, грота и бизани, косых фор-гаф-топселя, грот-гаф-топселя и крьюйс-гаф-топселя. Такелаж был устроен таким образом, что позволял управлять парусами и рангоутом с палубы.

Несмотря на внушительные размеры и немалое водоизмещение, «Бегущая» имела небольшую осадку, что делало её лёгкой и быстроходной. Она отлично ходила при боковых ветрах и без труда могла ходить круто к ветру. И даже на крупной волне при попутном ветре она не уступала в скорости судам с прямым вооружением.

«Бегущая» была однопалубным судном с полубаком и полуютом. На палубе располагались лебёдочная и хозяйственная рубки. На полубаке – смотровая площадка. Внутри полубака находились якорное и швартовное устройства. На полуюте – рулевая рубка. Внутри полюота – кормовое якорное и швартовное устройства. На судне имелись грузовые трюмы, каюты для пассажиров, кубрик экипажа, каюта и салон капитана, каюты старшего помощника, боцмана и штурмана, библиотека, кают-компания на сорок человек, камбуз, парусная и канатная кладовые.

Последнее время «Бегущая» ходила под трёхцветным бело-сине-красным торговым флагом России, совершала рейсы к берегам Южной Африки и использовалась для каботажных перевозок грузов чая, какао, кофе и специй. Зимовала «Бегущая» обычно в порту и выходила в открытое море лишь с приходом весны.

В минуты безделья я любил прогуляться по портовым набережным, разглядывая стоящие у причалов пароходы и корабли, наблюдая за нескончаемой суматохой, вечно царившей в порту. И каждый раз, проходя мимо «Бегущей», я невольно останавливался, любуясь её безупречностью и красотой. Она напоминала мне стройную грациозную яхту. Её белоснежный корпус, выкрашенный белой эмалью, и тридцатиметровые полированные и лакированные мачты со спущенными парусами впечатляли меня и завораживали.

Как-то в самом начале весны мне пришлось уехать из Одессы на несколько дней. Аэлита не захотела поехать со мной, сославшись на слабость и плохое самочувствие. Поездка была скучной неинтересной и утомительной. К тому же меня сильно растрясло в дороге.

Когда я вернулся в Одессу, оказалось, что Аэлита бросила меня. Воспользовавшись моим отсутствием, она собрала все свои вещи и вместе с Филиппом на «Бегущей» уплыла в неизвестном направлении. Об этом я узнал из письма, которое Аэлита оставила мне дома.

Я был в растерянности и не знал, что делать. После некоторого замешательства я попытался выяснить, куда уплыла «Бегущая», но это оказалось не совсем просто. В порту никто не знал точного маршрута «Бегущей». Поиски привели меня в контору мистера Уилсона «Грузовые перевозки». Там мне рассказали, что «Бегущая» уплыла в Кейптаун, где ей надлежало принять на борт груз чая и специй. В Одессу «Бегущая» должна была вернуться не раньше, чем через два месяца. О пассажирах, плывущих на «Бегущей», в конторе мистера Уилсона ничего не было известно.

Спустя несколько недель я получил ещё одно письмо от Аэлиты, в котором она вымаливала у меня прощение и просила не искать её и не преследовать, и постараться вычеркнуть из своего сердца навсегда. Письмо было отправлено из Касабланки.

Я больше не мог держать себя в руках. У меня случился нервный приступ, и я слёг. Моё состояние было критическим, поэтому меня госпитализировали. В больнице я провалялся недолго. Я быстро шёл на поправку и меня вскоре выписали.

Спасибо врачам, они поставили меня на ноги. Но от душевных ран они меня не излечили. Я не мог забыть Аэлилу. Уж больно сильно я её любил. Горечь утраты я стал глушить спиртным и азартными играми, бездумно спуская деньги на бесшабашные кутежи и загулы. И не знаю, чем бы всё это закончилось, если бы не Ирини.

Мы встретились с ней на балу в Благородном Собрании. Она была очаровательна в своём белоснежном декольтированном отделанном кружевами и жемчугом атласном бальном платье, и я стал за ней ухлёстывать. Мы много танцевали и пили шампанское. А потом поехали в Аркадию к господину Перецу на «Дачу». К нам присоединились князь Гагарин, сёстры Дунины, коммерческий советник Струдза-Эдлинг и графиня Папудова.

На «Даче» у господина Переца мы тоже много танцевали и пили шампанское. А оттуда все вместе отправились к цыганам за город. К тому времени от выпитого шампанского я уже плохо соображал. Моё затуманенное сознание стало гаснуть, выхватывая из вереницы событий лишь отдельные разрозненные не связанные между собой эпизоды, смешивая их с галлюцинативным пьяным бредом. Не помню, что было дальше и, как я оказался дома.

На следующий день утром, когда я проснулся, рядом с собой в постели я увидел спящую Ирини. Вместе с приступом тошноты и головной боли ко мне начала возвращаться и память. С ужасом я смотрел на Ирини и мог лишь только

догадываться, что между нами произошло. Ирины была совсем голая и не менее очаровательная, и аппетитная, чем вчера вечером в своём шикарном бальном платье, которое теперь валялось на полу рядом с моим костюмом.

Я не смог удержаться и провёл рукой по безупречной груди Ирины. Она проснулась и потянула меня к себе. Желание и соблазн овладели мной, и мы слились с ней в едином сладостном порыве.

С того дня мы стали жить вместе. Ирины была необыкновенной девушкой, внимательной и заботливой, ласковой и нежной. Она никогда не задавала лишних вопросов, не пыталась выяснять отношений и не лезла мне в душу, с пониманием относилась ко всем моим капризам и причудам. С ней было, на удивление, легко и комфортно. Благодаря Ирины мои сердечные раны стали зарубцовываться, и я всё реже и реже думал и вспоминал об Аэлите. Потребности в спиртном и азартных играх у меня больше не было. Мы жили с Ирины тихой и спокойной жизнью. Ирины мне очень нравилась. Я думал, что когда-нибудь смогу её полюбить. И верил, что всё у нас будет хорошо.

Но произошло то, чего никто не ожидал. В один прекрасный день в Одессе появилась Аэлита. Она приплыла на «Бегущей». И сразу же из порта приехала ко мне. Я увидел Аэлиту и понял, что люблю только лишь одну её и никого другого никогда в жизни не смогу полюбить. Прямо с порога, заливаясь слезами, она бросилась мне в объятия, и мы уже не могли оторваться друг от друга.

Позже Аэлита рассказала мне о том, как путешествовала вместе с Филиппом на «Бегущей». О том, как в Кейптаунском порту, в таверне «Кет», Филипп ввязался в драку с английскими матросами со шхуны «Жанетта» и был застрелен из браунинга в живот. И о том, как его похоронили по старинному морскому обычаю в открытом море под пение: «Со святыми упокой...» и под троекратный залп судового караула.

Благодаря влиятельным знакомым мне удалось узнать кое-что об Алексее Купермане. Как оказалось, он жил в Генуе и был всего лишь доверенным лицом владельца «Бегущей», не желавшего афишировать своё имя. Я связался с Алексеем Куперманом по телеграфу, но он, сославшись на коммерческую тайну, отказался назвать мне имя владельца «Бегущей».

После смерти Филиппа «Бегущую» переоборудовали под танкер и стали использовать для трансатлантических перевозок керосина и нефти. Как-то при подходе к Ла-Маншу из-за тумана и плохой погоды «Бегущая» шла по численнию. Курс был проложен в десяти милях к югу от маяка Бишоп-Рок. Но капитан ошибся в расчётах. Когда туман рассеялся и открылся берег, «Бегущая» оказалась в ловушке среди опасных рифов островов Силли. Начавшийся ночью шторм сорвал «Бегущую» с якорей и выбросил на прибрежные скалы острова Аннет. За несколько часов разбушевавшаяся стихия превратила «Бегущую» в груды металла и гору щепок.

Финал

В тот день, когда Роберт с Аэлитой уехали в Одессу, Аврора купила револьвер в оружейной лавке господина Лишневского на Садовой. Она не умела обращаться с огнестрельным оружием, поэтому ей пришлось взять несколько уроков у двоюродного дядюшки, который в своё время служил поручиком в кавалерийском полку.

Револьвер Аврора хранила у себя в спальне, в верхнем ящике комода, среди постельного белья. Каждый вечер перед тем, как лечь спать, она доставала револьвер из комода и, став перед зеркалом, держа револьвер обеими руками, представляла, как убивает Роберта. Аврора получала от этого неопишное удовольствие.

С тех пор, как Роберт бросил её, прошло уже очень много времени. От былых чувств и любви не осталось и следа, но обида и испепеляющая ненависть безумно жгли сердце и не давали покоя. Аврора хотела отомстить Роберту. Она хотела его убить. Она была уверена, что сможет это сделать.

О возвращении Роберта Авроре сообщил её кузен, который состоял на службе в дирекции Акционерного общества Юго-Западных железных дорог.

Путь от Одессы до Петербурга был долгим и утомительным, с пересадками в Киеве, Курске и Москве. На третий день путешествия, поздно вечером, поездом Курско-Московской линии, Роберт с Аэлитой приехали в Москву. В Москве они пересели на поезд Николаевской линии, который следовал напрямую до Петербурга. Оставалось последних десять часов дороги. В Петербург поезд прибывал рано утром.

Аврора приехала на железнодорожный вокзал задолго до прибытия поезда. Несмотря на раннее время, на вокзале было оченьлюдно. По платформам прохаживались жандармы и встречающие. Туда-сюда сновали артельщики, служащие и рабочие. Слышался свист паровозов на дальних путях и передвижение вагонов по рельсам.

Аврора прошла по перрону, внимательно изучая всё вокруг. Было пасмурно и прохладно. Натягивало дождь. До прибытия поезда оставались считанные минуты.

Одежда Авроры соответствовала её настроению и погоде. Аврора была в тёмно-коричневом платье из плотного шёлка с пышной широкой юбкой и в шерстяном пальто редингот такого же цвета. Её наряд дополняла большая шляпа с вуалью.

Став у колонны, Аврора сняла пальто и накинула его на руку. Затем ловким движением достала из сумочки револьвер и спрятала его под пальто.

Вдали показался паровоз. Издавая гудки и изрыгая густые клубы пара, он быстро приближался. Наконец платформа задрожала, и паровоз медленно и

мерно проплыл мимо Авроры. За паровозом потянулись багажные и пассажирские вагоны. Громко, со скрежетом поезд стал останавливаться. Давая свистки, кондуктора на ходу соскакивали на платформу и откидывали подножки.

Аврора стояла у колонны и внимательно осматривала все вагоны остановившегося поезда. Она сразу увидела Роберта в толпе выходивших. Стараясь не выпускать его из поля зрения, она незаметно взвела курок пальцем. Роберт направлялся к переходу, в сторону Лиговского проспекта.

В тот момент, когда он свернул в переход, Аврора вышла из-за колонны и, протянув вперёд руку с револьвером, прицелилась ему прямо в затылок. Осталось нажать на спусковой крючок. Но вдруг что-то вздрогнуло внутри и рука с револьвером, точно парализованная, безвольно опустилась. Страх ледяной волной окатил Аврору с ног до головы. Она прислонилась спиной к колонне и спрятала револьвер.

В утренней суматохе никто даже не обратил внимания на Аврору. Спустя мгновение она поняла, что произошло, и истошный вопль вырвался у неё из груди. Не раздумывая, она вложила ствол револьвера себе в рот и нажала на спусковой крючок.

Когда раздался выстрел, Роберт был уже в переходе и ничего не услышал. Аэлита тоже ничего не услышала. Она была утомлена дорогой и думала только об одном: как бы побыстрее добраться домой, снять с себя надоевший дорожный костюм, принять горячую ванную с душистым мылом и хорошенько выспаться.

На Знаменской площади они взяли извозчика и поехали на Литейную, где у Аэлиты был собственный дом. Город просыпался и оживал, наполняясь шумом, гулом и бесконечным движением.

Натэлла Левицка

(Россия)

Натэлла Левицка (Наталья Токарева) публиковалась в поэтическом сборнике «Глагол» (Москва 92 г.), в художественно-литературном альманахе «Чудеса и приключения» (Москва 07 – 08 – 09 гг.) – рассказы, в литературном журнале «Волга» (Саратов 2016 г) – стихи.

Осенний этюд, без собаки, но с книгой

Тревога. Она развешена в воздухе, подобно радиовещательной сетке, и исходит слабыми волнами, неуловимыми невооружённым ухом, но принимаемыми срединной установкой.

Тревога и паника – суть одного порядка: от низких частот – но разной степени усиленности.

Своей интуицией мы покрываем такие обширные поля, что наверняка в эти границы попадают и инородные частицы, объекты, субъекты. Чужой город...

Лесопарк, корнями уходящий чуть ли не в сибирскую тайгу. Поражает размах как строений, так и зон отдыха. Парк запущен.

В давно пересохшем римском фонтане, наполняющемся лишь после таяния снега, торчит наполовину в зелени ряски автомобильная шина.

Бетонный, но ажурный забор, ступенчато повторяя неровности ландшафта, уходит в гущу лесомассива, и неизвестно, имеет ли четвёртую, ограничительную грань.

На выломе, заступе забора сидит девушка и читает книгу. Лёгкая осень. Холодный день.

Редкая собака прогуляет хозяйку по такой погоде. По заброшенным тропам еле переваливается жирный мопс на шлейке, и за ним еле переваливается его бабуленция.

Девушка кажется столь беззащитной – просто ловля на живца, но её ранимость обманчива: время от времени из глубин парка, тяжёлым, с одышкой,

галопом медленно выскакивает и трамбуется землю могучими прыжками водолаз. Обнюхает, обласкает девушку, потреплется громадной мордой о её тонкую, безвольную руку – проверит, всё ли на месте – и гигантской, сваяезающей трусцой исчезает в зарослях. Выходное утро. Зябко, слегка туманно.

От центральной аллеи отделяется художник, судя по всему, студент-старшекурсник, тоскливо озирает панораму. Снимает с плеча свою бандуру, крепит штатив и устанавливает холст. На холсте практически уже всё есть, но чего-то не хватает. Есть фонтан, лёгкие намётки троп в дикой чаще, есть много листвы и предчувствия осени. Но нет художественного пятна, изюминки.

И, кажется, сегодня он её нашёл: удобно расположившуюся по линии заборного сегмента девушку с книгой. Этуд из лирического быстро преобразуется в романтический. Художник ещё не подозревает о такой непостоянной единице, как псина.

Минут тридцать он воодушевлённо вписывает в свой шедевр хрупкую, возвышенную (на полтора метра от уровня земли) фигурку.

И, понятное дело, над ним уже зависла долгожданная воздушная Муза с лавровым венком в деснице.

Как вдруг из валежника, из ёлочек-палочек раздаётся неслабый треск и шевеление, и, подобно баскервилю, беря барьер из поваленного дерева, в кадре появляется собачарская.

Она врывается во вдохновение художника бесцеремонно и, можно даже сказать, безнравственно.

Когда вся эта глыбина чёрной шерстюги, слюней и утробного рывканыя встаёт на цыпочки, дабы облизать любимую хозяйку и, скорее, даже напомнить: а не пора ли мне пожрать? – девушка складывает книгу, сползает со стены, пристёгивает к своей просто игрушечно-плюшевой псинке мощный поводок, и живописная группа начинает приближаться к художнику.

Наконец, поравнявшись, они проходят мимо. Девушка, понятное дело, не достаивает, но вот кобелино разворачивает рывкалку в сторону живописца, меланхолически сунув морду на уровень его мазюк. И обе фигуры покидают картинку. Надо сказать, всё означенное время художник так и стоял с застывшей кистью. Муза от него тут же отлетела, но посещали суетные мысли: а не вписать ли в холст и чёрного монстра? Но тогда картина резко разбухла персонажами и теряла в романтическо-лирическом настроении. Ибо пёс привнёс бы в полотно тревожное ожидание провокации.

Художник постоял ещё малость, подышал длинным носом в алый шарф. Даже слазил в карман за сигаретами. И, прищурившись от дыма, долго и пристально созерцал творение. Потом вытер кисти и начал собираться. Муза сегодня его больше не посетила.

Часы

Часы с характерным подтаскиванием, с подтягиванием, передвигали стрелки, будто старик переставляет с подволакиванием негнущиеся ноги. Им было много лет. Прём-ниша занималась ими в полный рост, от пола до потолка.

«...Деревья умирают стоя». Так и часы в своём узком деревянном шкафу со стеклянной крышкой ассоциировались с подобного рода аксессуаром.

Огранённое стекло их, расписанное в углах погуще матовыми виньетками и лёгкими завитками по бокам, перетекало далее, заполняя уголки изяществом и изыском. Восьмиугольные края выпуклого стекла создавали переливы и иллюзию игры света. За ним, подобно метроному, отщёлкивал ритм огромный подёрнутый патиной маятник с острым, шпилевидным противовесом на кончике, чиркающим влево-вправо медленно, но неотвратно...

Перед тем как бить, сложная система шестерён и пружинок с придыхом набиралась сил, готовилась, устанавливала диафрагму на подачу голоса.

На слух можно было уловить всю внутреннюю перестройку, перераспределение пространства и воздуха. И, наконец, словно подтащив, выстроив звукоряд у воображаемой лузы в линейку, дабы ни одним молоточком не зацепить и не промазать по барабану, начался бой. Ноты проходили будто конвейерную проверку, ныряли в глубь извивистой внутренности механизма, перераспределяя звук по ходу, чтоб в указанном месте слиться воедино и протяжно, меланхолично озвучить душу высоченного исполина. Отдельные восьмушки, подобно мелким, сухим семечкам в свистке, бултыхались и вибрировали, дребезжа и резонируя каждая по отдельности.

Звуковая волна переливалась, словно по шлюзам, не занималась и не угасала враз, а постепенно, поступенчато накатывала, заполняла вышеследующий регистр и пусть исчерпывалась в данном отсеке, но одновременно с этим – переполняла и выплескивалась в следующий.

Потом, так же ощутимо, осязаемо, шлюзы, отдушки и задвижки одна за другой переставали двигаться, замирали, но отзвук всё ещё гудел и перекатывался по трубкам и регистрам, подобно органу, по мере угасания мелодии, пока, наконец, и вовсе не смолкало всё. С придыханием, схожим с продырявленными мехами...

На передний план вновь выступал стук маятника с луковой маковкой на кончике и щёлканье стрелок, подсекающих одна другую. И тишина – казалась лишь короткой паузой между боем и промежуточными подготовками к нему...

SECOND HAND

(махонький расказ)

Жил-был поэт.

Жил он на чердаке, перебивался с хлеба на коньяк, одевался в секундхенде.

Жёны от него сбежали. Он их не держал, поскольку был, как все поэты, философического склада.

Всё-то ему казалось, что творит он что-то новое, доброе, вечное, а если у близких нет желания делить с ним крест – то и не стоит их обременять...

А вот когда наступит пора лавров, почёта, денег – а она наступит, в конце-то концов! то, если жены захотят к нему вернуться и разделить триумф – он всех простит и примет.

Всех.

Пора, правда, всё не наступала и не наступала, но всему своё время.

Когда у него заканчивались сигареты, он надевал плащ (носимый во все сезоны, в отсутствие замены) и сползал со своего гнездовья.

Дом был старым, без лифта, но чертовски высоким, немецкой постройки...

Людей он почти не замечал. Когда ему наступали на ногу, говорил «извините».

За правым ухом, чуть выше и подле, за ним всегда летела Муза.

(Для справки: музы – существа бестелесые и хотя имеют обличье женское – еды и нарядов не требуют, ибо бестелесые же).

Покидающим его женам он говорил всегда одну и ту же фразу: «да, мы не можем жить втроём...»

Вот так они и жили вдвоём, между проходными браками, постоянно, и никто-то более им нужен не был.

Муза, правда, стирать-убираться-готовить не могла, по бестелесности своей. Посему поэт, не обнаружив чистых вещей, стирал сам.

Питался он нерегулярно, так что в приготовлении пищи не было проблемы, а не убирался так и вовсе.

В общем и целом, их жизнь – и того и другого – вполне устраивала.

Муза ему нашёптывала – он записывал, потом читал ей вслух – и офигевал от собственного голоса.

Так бы они и жили, и не тужили, но в один прекрасный день в дверь постучали. Почему постучали, а не позвонили? Да просто свет отрезали за неуплату, телефон же в его квартире давно не звонил: по той же причине. К этому Поэт тоже подходил философски: если высочайший Издатель снизойдёт, то уж верно изыщет пути сообщения. И морально Поэт был готов к этому снисхождению с высот заоблачных до него смертного, дабы ввести в бессмертие.

Так что первой, вполне разумной мыслью мелькнуло, что это Он, собственно и есть – долгожданный издатель...

Поэт, не мешкая, распахнул двери, поелику и морально, говорю ж, и физически был вполне готов и к лаврам, и к славе, и к толпам поклонниц.

На пороге стояла дамочка.

– Разрешите? – она бесцеремонно отстранила Поэта, довольно вальяжно вошла, брезгливо осмотрелась, втянула носом...

И на лице её явно отпечатался весь негатив к увиденному. Взяв двумя пальцами с единственного кресла носок, она брезгливо переложила его на заваленный рукописями стол, до-олгим взором обвела жилище, полукруглое окно, замызанное и заляпанное, задержалась глазами на забитой посудой мойке, на лампочке без абажура, на вскомканной постели и наконец, произнесла:

– М – дя... – лицо её приобрело гримасу, не предвещающую ничего хорошего: – Собственно, именно этого я и ожидала... – затем брезгливо, двумя пальчиками, отодвинула носок с исписанных вкривь и вкось листочков, так же двумя пальцами, прищурившись, поднесла бумажку к глазам и ещё раз протянув:

– М дя... – отшвырнула листок на пол, прямым попаданием в мусорную корзину.

От такой наглости поэт потерял самообладание и даже подрастерялся...

– Ну, собственно, что и требовалось доказать – форма та-скать, оправдывает содержимое, – обведя взором ещё раз жилище и указав глазами на бумаги:

– Неважный из вас, видимо, поэт-то.

– А вы, собственно, кто? – оторопел Поэт.

– Я-то? Я теперь ваш и бог, и царь, и воинский начальник.

– Ре.. – поперхнулся Поэт: – Редактор?!

Дамочка ехиднейшим образом улыбнулась:

– А живете вы, конечно же, один, – плотояднейшая улыбка уничтожающе скользнула, наконец и по самому Поэту:

– Ну, естественно, кто же станет жить в таком хлеву...

И тут дама заметила кое-что, чуть поодаль, выше:

– А это у нас, собственно, кто? – полезла за старомодным, почему-то, лорнетом, навела на объект, потом недоуменно на Поэта и, указывая лорнетом: – Это что такое?

– Му... – пролепетал Поэт тихо: – Муза...

– Что?! – громко переспросила мадам, даже картинно ладонь к уху приложила: – Не слышу!

– Муза! – откашлявшись и приосанившись, смело выпалил Поэт:

– А вы, мадам, собственно – кто?

– Я – Ваша Цензура, – строго заявила дамочка: – А вот это, да, да, вот это, – ткнув указующим перстом в Музу, строжайше потребовала мадам:

– Это надо убрать! Этому здесь не место!

– Но позвольте! – вновь оробев, воскликнул Поэт отчаянно.

– Не позволю!

– Не имеете права!

– Имею! Я теперь всё имею, – сказала дама.

– Уходите, – негодующе выкрикнул Поэт: – Вон из моего дома!

– А я вам даю право выбора?! Разве? – сделала удивленный вид дама: – Голубчик, если б я сказала: либо я, либо она, вы бы там, конечно, ещё могли что-то возразить. Но я сказала – теперь только я!

А вот это безобразие нужно прекратить.

– Это не безобразие! Как Вы смеее! Это – Муза! – возмущился поэт.

– С неё похоже, и налоги не платите? – уточнила Цензура: – Безобразии... привыкли на дармовщинку. Знаю я вас, вздыхателей, мучителей рода человеческого, «быть или не быть», «а судьи – кто»...

Проводите, не задерживайте, на выход.

– Ни за что!

– А за сколько?

– Что – за сколько? – опять растерялся он.

– Ни за что не проводите, а за сколько – проводите? Ваша цена?

– Муза – бесценна! Она – не продается! Она – нематериальна и ни какая-нибудь вещь!

– Я и говорю – без налогообложения. Не порядок.

– Вы – скверная, отвратительная, вульгарная, вы, наконец, старомодны, да вы просто в конец устарели! – осмелел Поэт: – В современном обществе Вам – не место!

– Это мне-то не место? В современном – кому? Вам обществе? Так мы можем избавить общество от вашей с ним современности.

– То есть, как это? – вновь оробел Поэт.

– Да вот так это, – передразнивая, поставив кулачок на кулачок и сделав вращательное движение по и против часовой стрелки, наглядно продемонстрировала Цензура.

Поэт был по натуре, философского склада... Он никогда не спорил со своими женами, не помнил поименно всех детей. Он всю жизнь избегал конфликтности, как чего-то низменного и разрушающего структуру бытия... К тому же он был и пацифист... И, наконец, как человек в меру пьющий, готов был к всестерпению, если в свою очередь, терпели его... Но тут...

– Вы мне угрожаете? – понуро уточнил он.

– А надо ли? – нагло улыбнулась Цензура:

– О вас все давно забыли, не спустись со своего чердака месяц другой – никто не хватится. Через полгода, обычно, спохватываются наследники, да в вашем же, голубчик, случае, и наследовать-то нечему. Признайтесь, наконец сами себе, по-мужски: вот вам уже почти 40. Большая часть, заметьте, бóльшая, качественно, продуктивная часть – позади. Впереди... два-три варианта, на выбор. Первый – спиться, но у вас нет денег, следовательно, закончите банальным отравлением.

Второй – падение с высоты собственного окна, третий – всякие внезапные недуги, следствие злоупотреблений, наконец, одним прекрасным вечером вы выйдете из дома и растворитесь, как иные прочие писако-мараки, оставив некий флёр загадочности, при жизни их подзабыли, посмертно ненадолго вспомнили. К тому же вы всем должны. Наконец, жены могут затаскать вас по судам и будут совершенно правы: никто не освобождает вас от ответственности за тех, кого наплодили. Вы голубчик, можете оказаться в долговой яме или в психиатрической клинике. А ваши, так скажем, весьма сомнительные шедевральности, – она пошуршала рукописями на столе: – Съедят мыши или выбросят на помойку пришедшие риэлторы. Может, какой-то из вариантов вас устраивает больше других? Или что-то упущено из вида? Вы поправьте, не стесняйтесь.

Поэт тягостно задумался... Трепетно, подобно крыльям колибри, чуть выше, поодаль, зависла Муза, без того бледная, побелевшая до прозрачности.

– Курить... можно? – потянувшись, было за сигаретами, по инерции спросил он.

– Курить – опасно, – ухмыльнулась Цензура: – Хотя в вашем случае – пачкой больше, пачкой меньше...

Поэт отдернул руки, сел на краешек постели и спрятал ладони меж коленей. На скульптуру мыслителя он вряд ли походил...

Но все перечисленные перспективы мрачной панорамой апокалипсиса предстали его воображению...

– Так от меня – то вы что хотели? – наконец уточнил он.

– От вас? Ничего.

– А зачем ко мне пришли?

– Мне уйти? – иронически подняла бровь та.

«Сделайте милость» – хотелось бы сказать поэту, но он осторожно осведомился:

– Так у Вас ко мне – нет конкретных предложений?

– А что бы вы хотели, что б я предложила? Конкретно?

– То есть, совсем ничего? Следовательно, зашли просто так, – обдумывая наиболее безопасный исход визита, переспросил поэт.

– Ах, вы там о публикациях? Тиражах? Периодических изданиях? Гонора-рах? Премиях? Да-да-да, как же я забыла, – саркастично улыбнулась Цензура: – Контракт? – берите, пишите свои условия.

– Мои? – удивился Поэт.

– Ну, да, – показывая на ручку и листок, стимулируя, шевельнула бровями визитерша.

– А ваши? Ведь все не просто так, как я понимаю?

– Запомнили? – удивилась Цензура: – Ай-я-яй, – и указала взором на, почти лишившуюся чувств, Музу...

Поэт вздохнул...

Магнитически тянуло к листку...

Мучительно не хотелось выбора...

Наконец он встал, решительно подошел к окну и распахнул его...

Старая немецкая постройка, господа, шесть этажей устремляются в высоту на все одиннадцать, бесконечные пролёты лестниц, где добравшись наверх, чувствуешь покалывание под волосами от нехватки кислорода...

Обе, и Цензура и Муза, устремили взоры на Поэта... Но! Если Муза взметнула к нему руки, то цензура, напротив, лишь дышала на стекло лорнета и протирала его рукавом...

Поэт посмотрел вниз, он всегда боялся высоты, оттого, видимо, так и не покорил Парнаса... Кое- где, в тенётах глухого двора ещё лежал снег, но на солнцепёке зеленела первая травка.

Оглушительно скворчали скворцы...

– Извини, – обернувшись в тёмную комнату, произнес Поэт, обдуваемый ветерком:

– Но мы не сможем ужиться втроём... Ты же понимаешь меня, Муза?

Сергей Левицкий (Чехия)

Президент Союза русскоязычных писателей в ЧР.

В различных журналах и газетах России, Чехии, Америки, Германии опубликовано более 50 статей и рассказов по большей части юмористических.

В Праге издано восемь книг:

С.В. Левицкий. Избранное. 2000г.

S. Levický. Románek pod pražskými střechami a další povídky. Praha 2002.

Вас это не касается? 2004г.

Кому я благодарен. 2006 г.

Как я «просто стал мужчиной». 2008г.

Курица Вивальди. 2011г.

Сбылась мечта народная. 2013г.

Смех с причиной. 2015г.

Организатор многих концертов, в которых выступаю как ведущий, а также автор и исполнитель коротких юмористических рассказов.

Верность библиотекаря

«Сегодня мы провожаем на пенсию библиотекаря нашей заводской библиотеки Елену Андреевну Иванову», – начал председатель профкома. «17-летней девушкой Леной, сразу после школы, она пришла на наш сталелитейный завод на должность пом. библиотекаря. Много воды утекло с тех пор. Сменилось два поколения рабочих и мастеров, менялось руководство завода, но Елена Андреевна всегда оставалась верной заводу и его библиотеке.

Вы только подумайте: в этом помещении пошла вся её жизнь! Все 43 года она провела в этой комнате, где сейчас мы провожаем её на пенсию! Многие ли из вас могут похвалиться такой преданностью заводу!?

И сегодня, руководство завода поручило мне вручить Елене Андреевне почётную грамоту и ценный подарок: книгу писателя Н.Островского КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ.

– Но это ещё не всё! Я вручаю Елене Андреевне пропуск, позволяющий и далее посещать завод и его библиотеку!

Некоторые заплакали.

Прага, 20 декабря 2015

Беды цивилизации

Сначала он перестал есть мясо.

Потом перешёл на сыроедение.

Затем отказался от Фейсбука.

Потом отказался от айфона и просмотра телевизора.

Затем аннулировал свой телефонный номер и всю радиоаппаратуру.

Потом вообще отказался от электричества и перешёл на свечи – всё должно быть натуральное!

Стал мыться только холодной водой без мыла.

Перестал в квартире пользоваться унитазом и тайно построил неподалёку от своей девятиэтажки деревянный туалет типа сортир.

До счастья оставалось всего несколько шагов...

Гордость

Семён Тимофеевич целый день гордился собой.

Он пошёл в бассейн и гордился тем, что просидел в горячей сауне дольше всех!

Он гордился тем, что сегодня плавал дольше всех!

Он гордился тем, что делал себе водяной массаж дольше всех!

Молодец я – думал он!

И вдруг, уже в раздевалке, Семёну Тимофеевичу вступило в спину, да так, что не сесть не нагнуться – совершенно невозможно от сильнейшей боли.

Пришлось даже просить посторонних людей надеть на него брюки, носки и ботинки...

Дома, куда с трудом добрался Семён Тимофеевич, в ящичке с лекарствами оказался «Вольтарен».

Семён Тимофеевич снова испытал чувство гордости, теперь уже, за свою предусмотрительность.

Гей, добрый человек

Учительница пожаловалась маме на 8-летнего Володю: не хочет читать, всё играет Айфоном....

Дома мама решительно отобрала у Володи на двое суток всю электронику, посадила в комнате и дала читать Капитанскую дочку, Пушкина.

– Потом содержание перескажешь и только тогда верну тебе айфон.

Через день, мама в пол-уха слушала, как Володя нудным языком пересказывает содержание, пока не услышала: ... ямщик встретил доброго Гея и спросил его дорогу...

Ну-ка дай сюда книгу! Что за чушь ты несёшь!? Дай сюда книгу! Где тут написано про гея!???

Вот, показал Володя: – Гей, добрый человек! – закричал ему ямщик. – Скажи, не знаешь ли где дорога?

Быль о зубах

Немецкая туристическая группа утром выезжает из отеля. Водитель в микрофон спрашивает: «Никто не забыл свои зубы?».

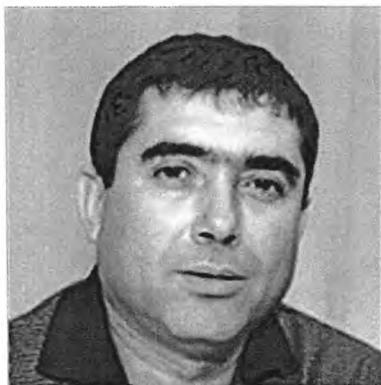
– Ну и шутки, – подумалось мне.

А водитель продолжил: «Недавно одна старушка забыла в отеле съёмные зубные протезы. Вспомнили, когда отъехали от отеля уже 80 км. Пришлось возвращаться за её зубами...»

* * *

Мой друг толстеет и согласен похудеть любым способом. Диеты не помогают. Помогла жена.

Вечером, когда муж приходит с работы, жена просит его снять зубные протезы и запирает их в свой небольшой сейф. (После 18 часов – не есть!). Утром протезы возвращает. Похудание идёт медленно, но верно!

Роман Темис
(Чехия)

Lamborghini

Алессандро – итальянец.

Высокий, долговязый, тощий. В очках. С большим ртом. Когда улыбается, похож на улыбающегося тощего добродушного бегемота в очках.

Одет по моде. Но, как у нас говорят, «как от долгов»: весь в обтяжку и рукава коротковаты.

Алессандро не то, что бизнесмен, но совладелец фирмы. Их трое совладельцев. Еще Антонио, и третий, с которым надо делиться прибылью. Третий в фирме ничего не делает.

Когда фирму создавали Алессандро и Антонио опыта не имели. Боялись.

А тот третий уже был опытным. Вроде бы денег вложить обещал. Не знали тогда еще Алессандро и Антонио, что не деньги в бизнесе главное. Деньги третьего не понадобились. Своих хватило. А в фирме остался.

Вот и приходится теперь прибылью делиться.

Жалко, а что делать? Чем лучше фирма работает, тем доля его дороже становится...

Ну да ладно. Раньше надо было быть смелее.

Мы с Алессандро сотрудничаем. Антонио, он технарь. Он со своими железками, а Алессандро – с заказчиками. Ему с заказчиками трудно. А, когда я рядом, спокойнее как-то.

Мы с Алессандро дружим.

По душам иногда разговариваем.

Он в большой семье вырос. У него сестер четверо. Семья католическая.

И все неустроены. Да и Алессандро не женат, а ему скоро сороковник. Живет правда с Лаурой несколько лет, а жениться боится.

У них в Италии жениться не дешево, а разводиться еще дороже. Так многие живут, не оформляя отношений. Я из-за этого недавно впросак чуть было не попал. Антонио меня на свадьбу своей дочери пригласил. Я речь приготовил. Несколько фраз по-итальянски выучил. Ну хотел было их напутствовать. Детей много пожелать.

Приехал. А молодоженам уже за сорок и детей у них уже трое, от 7 до 15 лет.

Так вот! Поехали мы как-то с Алессандро в поездку по заводам в Центральной Европы: презентовать оборудование, которое их фирма производит.

Дорога не близкая. Ну слово за слово, Алессандро мне и говорит, мол, не хочу быть очень богатым.

– У кого жемчуг мелкий, у кого суп жидкий ... – я с трудом перевел ему русскую поговорку, – каждый понимает богатство по-своему. Объясни Алессандро, какое у тебя представление о том, что это не быть очень богатым или чего тебе не хватает в жизни для полного счастья?

– Ну, – говорит, – работу интересную хочу...

– Достойное желание, – поддержал его я, – но это из области нематериального.

– Хорошо, – говорит, – когда в магазин за продуктами прихожу, хочется, чтоб мог бы себе позволить на цены не смотреть. Ну, ты не думай, – начал он даже как-бы оправдываться, – я ведь икру ложками есть не собираюсь.

– А я и не думаю. Все? – спросил я.

– Ну нет, конечно! Хочу, – говорит, – столько зарабатывать, чтобы мог себе позволить одеваться красиво. Так чтоб чувствовал себя комфортно. Знаешь, от того как одет, многое зависит. Еще хочу пару раз в год недельки на две в отпуск съездить отдохнуть. Дом еще хороший хочу. Не дворец там какой-нибудь. Чтобы было где гостей принять и куда вечером возвращаться хочется.

Ну, семью, чтоб мог содержать. Чтоб жена довольна была. Детям хочу образование дать.

– Еще, – говорит Алессандро, – денег хочу на старость накопить. Сам понимаешь, не хочу никому быть обузой на старости лет! Ну вот, пожалуй, и все.

– Что тебе сказать? – говорю я, – вижу, столько хочешь зарабатывать, чтобы вести достойный образ жизни. И даже без излишеств.

– Вот, вот, – согласился Алессандро, – ты меня правильно понял именно без излишеств.

– Ну, что похвальное желание! Думаю, практически каждый человек хочет того же.

– Знаешь, – замялся Алессандро, – мечта у меня есть. Как бы тебе это сказать?

– Да говори, – не робей!

– Видишь ли, Lamborghini хочу! – буквально выпалил Алессандро.

– Что, что?! – переспросил я.

– Lamborghini, – говорит Алессандро, – машина такая есть.

– Да не надо мне объяснять! – даже обиделся я, – знаю, – что такое Lamborghini. Попал ты Алессандро!

– Ну почему, сразу и попал!? – аж взвился Алессандро, – я на нее копить долго готов, – как-то сам в это не веря, сказал Алессандро.

– Те, кто на Lamborghini ездят, на них не копят.

– Эх, – говорит Алессандро, – я, когда ее мотор слышу, – это для меня божественная музыка. Как он поет мотор! Я, когда на нее смотрю, у меня аж дух захватывает, – она мне по ночам снится. Пойми ты, – ну не могу я без Lamborghini.

– Я-то понимаю. Но ты и сам знаешь, – что машиной это не кончится. Тебе к машине брелок Lamborghini понадобится, перчатки Lamborghini, очки Lamborghini, одежда Lamborghini, дом Lamborghini, жена Lamborghini, друзья Lamborghini, жизнь Lamborghini ... А завтра в моду Феррари войдет или Масерати. А там глядишь Aston Martin и так далее...

– Что же делать, – по-настоящему расстроился Алессандро, – мне эта машина каждую ночь снится.

– Кажется, нашел я для тебя выход из положения.

– Какой тут выход? Издеваться будешь, – посоветуешь модельки Lamborghini коллекционировать?

– Нет, я по-настоящему.

– Желаю тебе столько зарабатывать, чтобы ты раз в год мог себе позволить Lamborghini на прокат взять на недельку покататься. А потом захочешь, любую другую машину из люксовых, которая тебе понравится или, которая в моде будет...

– Ты гений, – как ребенок обрадовался Алессандро, глаза у него загорелись, – послушай, стал он развивать мою мысль, – я же могу целый год на Фиате ездить. А все будут думать, что я какой-то странный миллионер, у которого в гараже стоят Lamborghini, Масерати, Феррари, Астон Мартин... А сам он на Фиате рассекает.

Долго мы с Алессандро не виделись. Развела нас судьба. Недавно звонит мне как-то из Парижа. На выставке он там был.

– Привет! – говорит. Обрадовался я ему.

– Как ты? – спрашиваю его.

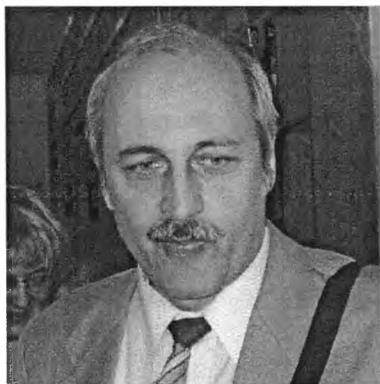
– Все ОК, – отвечает Алессандро, – работа в порядке, кризис смогли пережить, дочки две подрастают, домик хороший себе прикупил.

– Неужели женился? – спрашиваю его.

– Да нет, – говорит Алессандро, – мы с Лаурой так привыкли, – выставка в этом году удалась. Чувствую, заказов много будет.

– Поздравляю! Lamborghini не купил еще?

– А оно мне надо? – как-то по-одесски ответил Алессандро. – Странно жизнь устроена, когда нет возможности, ну очень хочется, а когда есть: так вроде бы и не надо.

Амаяк Тер-Абрамянц (Россия)

Родился в Таллине в 1952 году, проживает в Москве. Член Союза писателей Москвы и МАПП (международная ассоциация писателей и публицистов).

Публиковался в «Независимой Газете», «Литературной России», журналах «Таллинн», «Радуга» (Эстония), «Литературная Армения», «Русская Речь», «Отечественные Записки», «Кольцо-А», «Наука и Религия», «Грани», «Меценат и мир» и др.

Автор семи книг: «Витраж» (Москва, 1993), «Поезд Таллин(н)-Москва» (Москва, 1998), «Человек у моря» (Москва, 2006), «Рассеянный склероз» (Москва, 2011), «В ожидании Ковчега» (Санкт-Петербург, 2012), «Шоколадный вождь» (Санкт-Петербург, 2013), «Поминальные записки» (Санкт-Петербург, 2014).

Моя ли это земля?

Крестили меня Алексеем, в Луганске, тайно вывезя из незабвенного Таллина, где я родился и провёл дошкольное детство. Мама моя – урождённая Корниенко, украинка с далёкого хутора Устиновка в Новороссии. Моему отцу Украина была прибежищем от Великой Беды маленького армянского народа, в течении десяти лет. У меня могла быть сводная сестра еврейка, дочь моего отца от первой жены, луганской еврейки. Они расстались, отец уехал в Ленинград, где учился, стал большим хирургом, прошедшим Блокаду от первого до последнего дня.

Тогда, в детстве, я проехал на машине дяди и луганскую область с быстрым и опасным Донцом, в котором купался, и донецкую область с её терриконами – к синему морю. Когда мы выходили по необходимости (август был – пшеница скошена), то на подошвы налипал антрацитовый чернозём, такой жирный, что по

возвращении каждый раз приходилось счищать его о бортик старенькой, но крепкой ещё, славной «Победы».

Дебальцево, Миллерово и другие – как обыденно и скучно звучали тогда для меня эти названия... И вместо «Г» – «Х», и вместо «Что» – «Шо». В Луганске я учился в третьем классе пока мы не переехали в Москву.

В саду у тётушки росло огромное абрикосовое дерево. Оно странно цвело: год стояло чёрное, будто обгоревшее, умершее – и взрослые уже говорили, что пора срубить, вот подождём до лета – но следующим летом оно внезапно расцвело, да как! – вспыхивало! Ветки ломались от солнечных оранжево-пахучих шаров, которые засыпали всё пространство под деревом, и тётушка просила нас, мальчишек, собрать хоть часть урожая этих красно-жёлтых, кое-где уже треснувших, переспелых, с яблоко величиной, плодов (самой ей уже было наклоняться тяжело). Мы объедались этой нежнейшей и сладостной ароматностью на целый год, набирали тётушке Сирануш тазы для варенья...

Город казался огромным, с разбросанными по мягким холмам белыми крытыми красной черепицей хатками, утонувшими в зелёных садиках и огородах, с оконцами, закрывающимися на ночь ставнями и на сторожкие замки... с булыжными улочками лениво в жаркий полдень застывающими в жидкой тени высоких тополей и артезианскими колодцами на перекрёстках... Город, жёлтые покосы с антрацитовым чернозёмом, внезапные пески с молодыми соснами на подъезде к Донцу, голубое небо с необычно мягкими розовыми вечерами, исторгающими из груди какое-то особенное примирение и желание затянуться чем-то мягким, долгим, добрым... острые конусы огромных терриконов по пути к синему морю... Казалось в таком городе никогда больше не быть войне, кроме той, дальней, самой страшной в истории, когда через него прошли, почти ничего не разрушив, и немцы, и венгры, и румыны, и бедолаги итальянцы...

Но «Острая могила», всё чаще звучащая сейчас в военных сводках... Там остались лежать незнакомые, но могущие мне быть родственниками люди – первая жена отца с двух или трёхлетней дочкой. Я о них узнал сравнительно недавно (не хотели взрослые печалить мою память, хотя сами бывали там не раз). Доживи до моих лет моя сводная сестра стала бы уже, наверное, глубокой старушкой... Они не успели эвакуироваться и молодую мать с маленькой дочкой немцы и полицаи увезли на «Острую могилу» – то ли повесили, то ли расстреляли за то, что они были евреями...

А я, ещё не ведавший этого третьеклассник, вытягивал из скрипочки ноты, завидуя ясности дня и кококанью вольных до срока кур. Я держал данное маме слово играть на скрипке час. Играл, потому что любил маму, не признаваясь, что скрипка меня мучит.

Годы... десятилетия, полвека... города...

Но из далёкого детства тянутся нити звуков до сих пор:

*Рече да стогне Днипр широкий
Сердитий витер завива
Додолу верби гне висо-оки,
Горами хвилю пийдима....*

Нет, не чужая мне это земля!

Интервью

Николай и Ирина, певец и пианистка, муж и жена. Мы взяли интервью у солиста Северочешского театра оперы и балета в Усти-над-Лабем Николай Некрасова и концертмейстера того же театра Ирины Лоренц.

Интервью подготовили и провели студенты третьего курса гимназии им. Йозефа Юнгманна г. Литомержице Анна Доудова и Давид Ворачек

Ирина

Скажите, Ирина, когда вы приехали в Чехию?

В 2001 году. Нам предложили работу в Устецком театре. Случай помог. В театре ставили «Евгения Онегина», и муж получил главную роль.

Вам здесь нравится больше, чем в России?

Да, пожалуй, что да. Возможностей больше. Мы здесь уже привыкли. Чувствуем себя, совершенно, как дома. Потом, в нашем театре нет момента ксенофобии. Здесь много русских. Некоторые по 25 лет работают, и дети у них выросли. Здесь сложилось очень уважительное отношение к русским. И вообще, искусство предполагает, как бы, смешение национальностей и поэтому каждый иностранец себя здесь чувствует, как дома.

Вы хотели работать в театре уже, когда вы были в нашем возрасте (нам 18)?

Когда я была в вашем возрасте? В театре нет. Я хотела делать сольную карьеру пианистки. Потом жизнь внесла свои корректуры, как это обычно бывает. В театре мне очень нравится. Театр – это праздник, который длится постоянно. Ну и муж, который поёт в театре – веская причина находиться здесь. Я ведь не предполагала в юности, что мой муж будет оперным певцом (смеётся).

Когда вы познакомились с вашим мужем?

Это было в 1994.

Вы познакомились в театре?

Да. Но тогда я ещё не работала в театре. Тогда мы занимались концертной деятельностью – участвовали в вокальных конкурсах. Я – как аккомпаниатор. Мне это очень нравилось. Мы ездили во Францию, Италию, по России. Коля – лауреат международных конкурсов, среди них конкурс им. М.И. Глинки и конкурс им. Ю. Гуляева. Моё участие в конкурсе им. Ю. Гуляева отмечено дипломом за лучший аккомпанемент.

У вас есть цели, которых вы хотели бы достичь?

В творческой жизни? Мне бы хотелось принять участие в концертах камерной музыки в качестве участника камерного ансамбля. В программе могли бы быть Шуман, Шуберт, Брамс, русские композиторы.

Что вы делаете в свободное время?

Его очень мало. Но стараюсь, как можно больше, быть на природе. Мы очень много ходим пешком. Наша разумная, скажем, норма – 15-20 километров в день.

Почему вы выбрали именно Чехию, не другую страну?

Очень просто. Я считаю, что чехи и русские – родственные народы, так сложилось исторически, вне зависимости от того, что об этом говорят. Мы славяне. Для меня чехи понятнее по своему образу мышления, языку.

Вы хотите продолжать работать в Устетском театре?

Да. Если говорить о Праге, там бы мне работать не хотелось. Сложно там. Отношения между людьми сложные. А где-то за границей? Нет, не хочу.

Ирина, вы говорили, что любите много ходить. Спорт в вашей жизни, таким образом, присутствует. А можно ли сравнить пианино с каким-нибудь спортивным снарядом? Игра на фортепиано – нагрузка физическая или только духовная?

Конечно, определённые физические усилия приходится прикладывать. Снаряд? Нет, пожалуй, для меня это игровой вид спорта. Когда играешь в ансамбле, или аккомпанируешь, это, как игра в теннис, когда перекидываешь мячик.

То есть после успешного представления у вас есть ощущение победы.
Безусловно.

Николай

Николай, когда вы начали изучать оперное пение?

Это достаточно лёгкий вопрос: пою я с самого детства. Разумеется, сначала моё пение не было оперным. Наше поколение было воспитано на популярной музыке. Постепенно моё внимание привлекла оперная музыка,

мне она нравилась, и я решил стать оперным певцом. Я учился в училище и сначала даже не предполагал, что буду петь в опере. Но в конце обучения я уже решил, что буду оперным певцом.

В детстве какие ещё профессии вам нравились?

Конечно (смеётся), традиционно – пожарник, космонавт, миллионер, царь. Я не думал, что буду певцом. К сожалению, ни царём, ни космонавтом не пришлось стать, увы

А что вас привело в Чехию?

Моя специфика – оперное пение. К сожалению, в России люди моей профессии не так востребованы, как, например, в Чехии, лучше сказать шире – в Европе, поскольку оперная традиция корнями уходит в Европу. Родина оперы, как мы знаем, – Италия. Я пою не только в Чехии – в Германии, Франции, Испании. На моё решение уехать из России повлияли и известные негативные изменения в стране в конце 90-х годов. Разрушалась культура, было невозможно работать по профессии. Сейчас, конечно, в России всё меняется к лучшему, надеюсь. И, кто знает, может, будет возможно возвращение на Родину.

Есть ли опера, в которой вы хотели бы принять участие?

Да, наверное, существует какая-нибудь опера, в которой бы я ещё хотел спеть. Но хотел бы сказать, что как певец в Чехии я реализовался. В Чехии было спето где-то пятьдесят опер. Поэтому я, наверное, спел всё, что я хотел, но есть мои любимые оперы, в которых я продолжаю петь, например, «Кармина Бурана», «Риголетто», «Набукко» и много других. Из русских опер это, безусловно, Роберт в «Иоланте» Чайковского, Грязной в «Царской невесте» Римского-Корсакова.

Вы учились в России?

Да.

А почему вы выбрали Чехию, не другую страну?

Это совершенно случайный выбор. В общем-то, было намерение попробовать себя на родине оперы, но, к сожалению, в Италии это достаточно сложно. Кроме того, Италия тоже столкнулась с весьма серьёзными экономическими трудностями. Если вы знаете, наверное, более половины театров в Италии закрылось. Вот так случайно получилось, что я оказался в Чехии. Выбор случайный, но есть один маленький нюанс: Чехия, в общем-то, является, я бы сказал, центром русской эмиграции. Так получилось, что ещё при президенте Масарике Прага стала центром русской эмиграции, наряду с Парижем, куда съезжался цвет русского общества, люди, которые имели деньги. Русская интеллигенция традиционно выбирала Прагу. Так исторически сложилось.

Вы любите путешествовать?

Надо сказать, и да, и нет. Конечно, нравится мелькание разных стран, какие-то новые впечатления, но, к сожалению, часто это сводится к дороге в автобусе или в самолёте и пребыванию в одинаковыхезде отелях.

В связи с этим, как трудна жизнь артиста за пределами сцены?

Жизнь артиста – постоянная работа над ролями, даже за пределами сцены. Трудно ли это? Наверное, да.

Если бы закончились партии для баритона во всей Европе, могли бы вы переучиться на тенора, к примеру?

Это замечательный вопрос, но, к сожалению, мы, певцы, всегда находимся в рамках своих возможностей. Петь теноровые партии? Нет, к сожалению, нет. Басовые, может быть. На самом деле, это мечта каждого баритона стать тенором, потому что для тенора написано больше интересных партий.

Вы пели во многих известных операх, есть у вас самая любимая?

Мне трудно выбрать. Я могу сказать, которые чаще всего исполняю. Это «Кармина Бурана» и «Набукко». Каждая опера хороша по-своему. Не могу сказать, какая из них самая любимая. Каждый выбор, который ты делаешь, захватывает, иначе нельзя петь оперу – если тебя работа не захватывает, если тебе это не нравится. Ты просто не можешь это спеть, не можешь доставить удовольствие публике.

А бывало такое, что не нравилось, но пришлось?

И такое бывало (смеётся). В оперетте. Я ничего не имею против оперетты, но лично для меня это некий компромиссный жанр, который я иногда, к сожалению, должен петь.

Чем вы занимаетесь в свободное время?

В последнее время есть у меня хобби: я делаю видео для интернета.

В свободное время вы клипмейкер?

Можно и так сказать.

Вы гастролировали в странах Европы и Америки. В каких театрах вам понравились больше всего работать?

Думаю, больше всего мне нравится работать в Чехии. Здесь искренние отношения между людьми. Очень неплохая атмосфера в коллективе.

Может, общий, скажем, славянский дух?

Да, да. У меня есть опыт работы с немецкими коллегами, например. К сожалению, они слишком педантичны для меня и не позволяют свободы в творчестве. Есть сложности в самовыражении. У них есть какая-то модель, которой они следуют вне зависимости от обстоятельств. Напротив, в Чехии, совершенно обратное: можно свободно творить, самовыражаться, большинство

режиссёров и дирижёров дают тебе свободу творчества, не стоят у тебя над душой. Ты можешь позволить себе проявить себя. Здесь больше доверия к артисту.

Сейчас вы известны, а в начале карьеры у вас были примеры для подражания?

Я не думаю, что я очень известен. Кумиры у меня были, их было много. Херманн Прей, например, Сергей Лемешев, Марио Дель Монако. От каждого из них я старался что-то перенять. Но нельзя копировать, ни в коем случае.

А на каких языках вы поёте?

Пою на многих языках: итальянском, французском, чешском, русском, даже старогерманском, старофранцузском и латинском. К счастью, не пою на японском и китайском.

На каком из языков любите петь больше всего?

Конечно, на итальянском и русском.

Что вас ждёт в ближайшем будущем?

Не могу вам ответить на этот вопрос. О своих планах, пожалуй, промолчу. Могу только сказать, что предстоят гастроли во Франкфурте, Гамбурге, Берлине, Праге и Брне.

П Р А Ж С К И Й
П А Р Н А С
И Ю Н Ъ 2 0 1 6

